

А 824

Москва.

S²
772

5 км

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

Р издаваемая
С

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

89/7
Мин. П. П.

ЧАСТЬ III. — 4 2947.

МОСКВА.

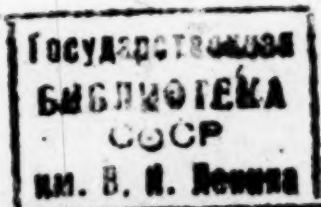
Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октября 16 дня, книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

33326-55

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
I.	Четыре Аполога (Кн. Одоевскаго)	1.
II.	Мой Демонъ (А. Пушкина) . . .	11.
III.	Рогдаевы псы (В. Кюхельбекера) .	13.
IV.	Сонетъ (С * * *)	23.
V.	Эмблемы (В. Т.)	24.
VI.	Къ * * * (С * * *)	31.
VII.	Слеза	33.
VIII.	Отрывокъ изъ Путешествія (В. Кюхельбекера)	34.
IX.	Застольная пѣснь Грековъ (С. Н.)	58.
X.	Къ Нинѣ	60.
XI.	Написъ къ портрету Автора Краткой Географіи въ стихахъ .	62.
XII.	Бельфегоръ	63.
XIII.	Характеръ (Кн. Одоевскаго) . .	75.
XIV.	Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера)	84.
XV.	Альбомъ (С. Н.)	86.
XVI.	Радуга — цвѣты—Иносказанія (Кн. Одоевскаго)	88.
XVII.	Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера)	93.
XVIII.	Кантъ (А. Боровкова)	95.
XIX.	Слѣдствія Сатирической статьи (Кн. Одоевскаго)	125.
XX.	Выкупъ Оссіана (Писарева) . .	147.
XXI.	Свиданіе, Елегія (— й —)	155.
XXII.	Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ (В. Кюхельбекера)	157.

Стр:

- XXIII. Прибавленіе къ предъидущему Раз-
говору, или Замѣчанія на Статью,
напечатанную въ No 38 Сына Оте-
чества, подъ названіемъ: *Жур-*
нальныя статьи (Кн. Одоев-
скаго) 178.
- XXIV. Смерть Байрона (В. Кюхельбекера) 190.
-

I.

ЧЕТЫРЕ АПОЛОГА

(Посвящены Варварѣ Ивановнѣ Ланской).

I.

ДЕРВИШЪ.

Дорога была излучиста — она раздѣлялась на неисчислимое множество шропинокъ, которыя то спускалися въ глубокія пропасти, то поднималися по спремникамъ. Густой мракъ покрывалъ вселенную; колючія шернія впивалися въ ноги несчастныхъ странниковъ: они спотыкалися — а бездны разверзалися подъ ними, а огромныя нависшія скалы при малѣйшемъ шорохѣ грозили паденіемъ.

Впереди всѣхъ шелъ Дервишъ; многіе слѣдовали по пущи имъ проложенному, другіе шли по инымъ пущамъ; одни благословляли его: колючія шернія, подавленные силою спопою Дервиша, не язвили ихъ болѣе; Мнемозина. Часть III. I

свѣпильникъ въ рукѣ его обличалъ предъ ними и мрачныя бездны и грозныя скалы; большая жъ часть проклинали его: одни завидовали его свѣпильнику, другіе роптали, за чѣмъ идетъ онъ не путемъ или избраннымъ, за чѣмъ не для нихъ попираетъ тернія, не или освѣщаетъ. Иныхъ же обманывалъ издалика мерцавшій свѣпильникъ — они совращались съ собственнаго пути, не попадали на путь Дервиша и низвергались въ пропасти.

Дервишъ не внималъ ни благословеніямъ, ни проклятіямъ; холодный, безстрастный не примѣчалъ стона ниспадающихъ: не для освѣщенія ничтожной толпы несъ онъ свѣпильникъ, не для нее подавлялъ тернія: взорамъ, воображенію, уму, всѣмъ чувствамъ, всѣмъ движеніямъ души его — представлялася цѣль, къ которой онъ стремился. — Для нее позабывалъ онъ все подлунное — и если вспомоществовалъ своимъ спутникамъ, то попому только; что не могъ къ ней стремиться — и въ тоже время не подавлялъ тернія, не освѣщаетъ свѣпильникомъ.

Мудрый! — ужели добродѣтели простолудина цѣль своихъ дѣйствій? — Толпа безсмысленная, приравнивая тебя къ себѣ,

ищетъ въ тебѣ сихъ добродѣтелей, слѣпой
 взоръ ея не замѣчаетъ.... Но не твоя ли
 добродѣтель возвышеніе всѣхъ прочихъ?—
 Совершенствованіе!—Добродѣтель мудраго! —
 ты, въ которой поглощаются и благопво-
 рительность и милосердіе и любовь къ
 ближнему! — Онъ не можетъ стремиться
 къ тебѣ и въ тоже время не быть мило-
 сердымъ, не благотворитъ человѣчеству,
 но ты—единая цѣль пламеннаго его стрем-
 ленія!

СОЛНЦЕ И МЛАДЕНЕЦЪ.

Солнце скатилось за холмы. — Младенецъ сидѣлъ у двери въ хижину; возвышенныя мысли при видѣ торжественной картины вечера не возбуждались въ душѣ его — что великое могло ей быть знакомо? — Лишь безпечно любовался онъ; смотря какъ послѣднiя багряныя лучи солнца золотили окна, соломенные кровли хижины и попускавшiе колокола полуразвалившейся церкви — онъ не понималъ и не искалъ причины еяго явленiя, но оно ему нравилось.

„Доброе солнышко!“ — сказалъ старый отецъ его, взглянувъ на младенца, — „Доброе солнышко! — повнорилъ онъ, — ты и людямъ благошворишь и забавляешь малышку.“

— За что ты хвалишь солнце, отецъ мой? — спросилъ младенецъ.

Спарецъ улыбнулся. „Какъ не хвалишь его? Смотри: теперь все зашихло въ де-

ревнѣ, даже листъ на деревѣ не шелохнется, и голуби переспали ворковать на колокольнѣ — все уснуло, но завтра вспрянетъ солнце, и всѣхъ пробудитъ, согрѣетъ, освѣтитъ; не будь его и мы всѣ спали бы сномъ непробуднымъ.“

Ешихъ словъ не забылъ младенецъ; на другой день еще едва начинало свѣтать — а онъ уже стоялъ у двери хижины и съ неперпѣніемъ ожидалъ восхода солнечнаго.

Солнце взошло, но густые туманы скрывали лице его; между нѣмъ все ожгло, вспрепенулось, раздался первый упренный шумъ....

Улыбка слабоумнаго негодованія разлилася по лицу младенца. „Какую же неправду сказалъ отецъ мой!“ — воскликнулъ онъ: „солнце сего дня и не думало встать, а никто о немъ и не заботился, все по прежнему идетъ своимъ чередомъ.“

Возвышенныя умствования Геніевъ — друзей человѣчества! сколь ничтожны вы въ глазахъ простолюдина! Онъ окруженъ вашими благодѣтельными дѣйствіями: безъ васъ и морозъ бы оледѣнилъ его шѣло, иракъ ослѣпилъ бы его, вамъ обязанъ онъ и сво-

имъ покоемъ, и довольствомъ и всѣми прелестьями жизни, — даже минутными; — но шуманы предразсудковъ скрываютъ васъ отъ глазъ его; — онъ безпечно наслаждается благами, вами производимыми, и не ищетъ ихъ начальной причины; слабый, онъ смѣется, когда мудрый говоришь ему, что вы единая вина его счастья!

Д В А М А Г А .

Народъ толпится на стогнахъ. Сей часъ только провозгласилъ Царскій вѣспникъ, что назначена драгоцѣнная награда тому, кто изобрѣшетъ пипіе, подающее жизнь долгую и вѣчное здравіе.

Два Мага вызвались исполнить Царскую волю — и казнохранитель выдалъ несчетныя суммы для вспомоцествованія ихъ усиліямъ.

Прошло полвѣка. — Одинъ изъ Маговъ не щадилъ трудовъ своихъ, призывалъ на помощь всѣ силы искусства и природы, день и ночь погруженный въ размышленія надъ древними свѣдѣніями, онъ пожертвовалъ всѣми наслажденіями жизни для цѣли высокой и наконецъ достигнулъ ее. Другой напропивъ, погрязнувши въ земныхъ увеселеніяхъ, не думалъ о порученномъ, и безпечно расточилъ казну Царскую и юное здравіе.

Истощенный, съ блѣднымъ лицомъ, измученный болѣзнями, входитъ онъ въ храмину своего соперника, видитъ сосудъ съ драгоцѣннымъ пишемъ, приближается и — опрокидываетъ его.

„Пусть!“ восклицаетъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва: „пусть вѣкъ не прервутся мои оправданія; пусть и родъ человѣческій лишится надежды на вѣчное счастье; но не будешь кичиться мой соперникъ!“

Такъ невѣжество во прахъ обращаетъ всѣ успѣхи мудраго! — Пусть не воспользуюсь ими, говоритъ оно, — но я и не буду одолжено ему благодарностию, — не возвысится оно предо мною.

АЛОГІЙ и ЕПИМЕНИДЪ.

Съ гасильникомъ въ рукѣ, съ закоренѣлою злобою въ сердцѣ, съ низкою робостию на челѣ, Алогій прокрался въ храмину, гдѣ Епименидъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампы, изучался премудрости, куда сами Боги сходили къ нему бесѣдовать.

Алогій видитъ лампаду; безсмысленный думаетъ, что она единственная вина мудрости Епименидовой, приближается и — препещущею рукою гаситъ ее; но пламя, пылавшее въ лампадѣ, было пламя божественное, самъ Аполлонъ возжигалъ его; не погасло оно отъ нечислаго прикосновенія Алогія; — но болѣе возгорѣлось, заклопало, охватило всю храмину, въ прахъ обратило ничтожнаго — и снова тихо завыло на лампадѣ.

Невѣжды-гасильщики! уже ли ваши беззаконныя усилія погасятъ божествен-

ный пламень совершенсвования? — еще бо-
 лѣе возгорится оно отъ нечислыхъ поку-
 шеній вашихъ, грозно истребитъ васъ и
 съ вашими ковами и опять запышетъ
 съ прежнею силою.

О д в с к .

II.

МОИ ДЕМОНЪ.

Когда еще мнѣ были новы
Всѣ наслажденья бытія:
И взоры дѣвъ и шумъ дубровы
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Мнѣ сильно волновали кровь —
Въ часы надеждъ и упоеній,
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный Геній
Сталъ въ тайнѣ навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи!
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его лживыя рѣчи —
Вливали въ душу хладный ядъ;
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
 На жизнь съ насмѣшкою смотрѣлъ
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

А. Пушкинъ.

III.

РОГДАЕВЫ ПСЫ.

Вънтавъ Александра главой своихъ силъ,
 Славяне и Русы отважной рукою
 Сражали сосѣдей за свѣтлой Невойю:
 Но городъ великій Татарамъ служилъ. —
 Пусть ужасъ наслала Святая Софія
 На дикую душу злодѣя Башыя; —
 Орда не ярилася въ древнихъ стѣнахъ,
 Не пали священные храмы во прахъ,
 Зажженные свѣточемъ брани:
 Но всѣхъ ослѣпляющій страхъ
 Въ Сарай отправляетъ позорныя дани. —

я.

Бывало, прискачетъ надмѣнный Посоль:
 Онъ волкъ ненасытный; беретъ и хватаетъ,
 Богатыхъ и бѣдныхъ гнѣшетъ, и пугаетъ
 Упорныхъ угрозой неслыханныхъ золь. —
 На немъ и средѣ мира воинскія лапы;
 На вѣчѣ подъ буркою, въ шапкѣ космашой
 Онъ ходитъ; гремитъ въ его тулѣ стрѣла;
 Онъ даже предъ Княземъ не склонитъ чела.

Всѣ, храбрые даже трепещутъ:
 Гость, гражданинъ, житель села
 Боязненный взоръ на грабителя ме, ушъ.

3.

Въ то время былъ славенъ могучій Рогдай,
 Разумный Посадникъ и смѣлый воитель;
 Въ совѣтахъ и битвахъ успѣха рѣшитель
 Не разъ защитилъ онъ отеческій край;
 Повсюду срывалъ торжество и побѣды:
 Предъ сильнымъ дрожали Липовцы и Шведы,
 На сеймахъ крамольникъ предъ нимъ умолкалъ. —
 Онъ, тверже бойницы, вѣрнѣе забралъ,
 За Русь не щадилъ своей крови:
 Но что же? могучій попалъ
 Въ опасный полонъ неисходной любви.

4.

Онъ вывезъ добычу, подарокъ войны,
 За грозныя сѣчи златую награду,
 Въ трудахъ и заботахъ и скукѣ усладу —
 Прелестную дѣву изъ дальней страны:
 Однажды онъ, съ горстію ратниковъ дерзкихъ
 Вломившись въ сердце земель Кавалерскихъ,
 Взялъ замокъ на скамѣ Ливонскихъ холмовъ. —
 Вшоргаются Россы по трупамъ враговъ,
 Нежданные въ часъ полунощи;
 Съ моста низвергаютъ ихъ въ ровъ;
 Колеблютъ побѣдными кликами роуи.

5.

Сквозь дрошиковъ лѣсъ и сверканье мечей,
 Подъ гуломъ послѣдняго, дикаго боя,

Вдругъ дѣва является взорамъ героя,
 Средь ужасовъ мрака, при блескѣ огней! —
 Онъ слышитъ: теряется стонъ ея томный;
 Онъ видитъ: влечетъ ее хищникъ наемный,
 Десницу опутавши шелкомъ волосъ; —
 Широко въ раменахъ и силенъ и суровъ,
 Изъ рукъ ее вырвавъ презрѣнныхъ,
 Вождь шопотомъ ласковыхъ словъ
 Ее оживилъ среди спѣвъ полоненныхъ.

6.

Она зарыдала; ему отдалась;
 Недѣлю казалась грустна и уныла,
 Но скоро блистательныхъ предковъ забыла
 И въ вѣрности вѣчной Рогдаю клялась;
 Построилъ ей теремъ Рогдай восхищенный
 Надъ Волховомъ, рощю липъ осѣненный:
 Какъ часто шуда на ретивомъ конѣ
 Онъ мчался при сумрачной, тихой лунѣ
 На отдыхъ отъ славы и шума! —
 Межъ тѣмъ въ православной странѣ
 Всѣхъ духъ разтревожила тяжкая дума:

7.

Сеймъ конченъ; напрасно посадникъ одинъ,
 Одинъ возставалъ на свирѣпаго Хана;
 Ужь собрана дань для невѣрнаго спана,
 Ужь съ нею унесся Баскакъ-Нуррединъ.
 Рогдая снѣдаетъ живая досада,
 Клянеть малодушіе древняго града;
 Вступаетъ въ родительскій пасмурной домъ
 И бросился въ креслы и бросилъ шлемъ:

За сѣны дневное свѣтило,
Златя ихъ послѣднимъ лучемъ,
Спокойное — въ трепетный мракъ заходило.

8.

Сидишь онъ безмолвный въ разлившейся мглѣ
И смотришь въ раздумьи на путь одинокой;
Но вдругъ онъ воспрянулъ изъ скорби глубокой,
Вдругъ радость блеснула на темномъ челѣ:
На крыльяхъ любви, полетомъ отваги
Онъ рыщетъ чрезъ холмы, мосты и овраги
Въ свой перемъ любезный, въ объятія драгой!
„При ней“ говоришь, „я расстанусь съ тоской“

„Спи-же, спи же, ретивый!“ —

Ретивый несется стрѣлой

И вихорь возспалъ отъ разметанной гривы!

9.

Сбивая въ раздолахъ алмазы росы,
Травы прикасается звонкое стремя:
Но тихо для Еписюза капишься время,
Лѣнливо и тяжело влачатся часы! —
И вотъ — сквозь пары уступающей ноши,
Сквозь вѣтви густыя возлюбленной рощи
Пожаромъ зари загорѣлось стекло;
Тутъ страстное сердце въ немъ вдругъ разцвѣло,

Воскреснули падшія силы,

Всю кровь его пламя зажгло,

Забилися бурно кипящія жилы!

10.

„Заря! не свѣти моей милой въ окно;
„О солнце! постой: не всходи изъ за лѣса;

„Одѣнь ее алою тьмою, завѣса!

„Помедли: о сумракъ! мгновенье одно:

„Пусть радость моя подъ твоими крылами

„Еще и еще насладится мечтами!

„Ты жь, сладоспный вѣшерь! опъ рошущихъ
спруй

„Повѣй ей дремотою, нѣгой подуи!

„А ты голубокъ пробужденный

„Надъ гнѣздышкомъ пише воркуи;

„Храни, береги ея сонъ драгоцѣнный!“

II.

Коня привязавъ къ золотому кольцу,

„Покойся,“ шепчетъ онъ, „счастье Рогдая!“

И крадется Вишязь, едва наступая

И съ трепетомъ тайнымъ идетъ по крыльцу.

Вотъ спальня и въ спальнѣ роскошное ложе!

„Ее разбужу поцѣлуемъ!“ и чтоже?

Подходитъ и смотритъ: ахъ! дѣвицы нѣтъ!

Зовешъ — тишина ему грозный отвѣтъ!

Колеблясь, онъ ищетъ опоры;

Померкнулъ въ очахъ его свѣтъ,

Смертельною тьмою подернулись взоры!

III.

Вдругъ страшный и яроспный онъ побѣжалъ,

Какъ найденный левъ изъ пустынной берлоги;

Бѣснуясь летитъ изъ чертоговъ въ чертоги,

И чу! — не гулитъ ли забытый подвалъ?

Къ подвалу! разрушилъ замокъ и заклѣпы;

Дворецкаго видитъ и кличетъ свирѣпый:

„Гдѣ барышня? — Кто, злополучный старикъ,

Мнемозина. Часть III.

„Здѣсь заперъ тебя? — кто въ мой теремъ проникъ?

„Главы не снесутъ его плечи!

„Молвь имя злодѣя и въ мигъ“....

Старикъ прерываетъ суровыя рѣчи:

13.

„Здѣсь въ домѣ тебѣ я былъ вѣренъ одинъ :

„Холопы твои разбѣжались, баринъ !

„Укралъ же дѣвицу поганый Тапаринъ,

„Коварный язычникъ, Баскакъ-Нуррединъ ;

„А съ ней удалось безстыдному вору

„Съ собою увлечь твою лучшую свору!“

Потъ хладный съ геройскаго каплетъ лица;

Онъ горестныхъ словъ не дослушалъ конца:

Въ душѣ его дикія бури;

Коня опвязавъ отъ кольца

Онъ скачетъ подъ сводомъ разсвѣтшей лазури.

14.

Глядитъ — полосу черезъ юный посѣвъ,

Ихъ слѣдъ обрѣли его жадные взоры;

Онъ рвется впередъ черезъ доли и горы,

И рвы и заборы и чащу деревъ.

Просвищеть ли въ полѣ незапной грозою, —

Не тронувъ правы оперенной ногою

Обыметъ облакомъ пышущій конь,

Посыплеть отъ камней и дымъ и огонь;

Весь потомъ и пылью покрытый;

Хлыстомъ ретиваго не тронь,

Онъ самъ безъ бодцевъ окрыляетъ копыты.

15.

Но Витязь ласкаетъ и преплетъ коня:

„Дай сбросить мнѣ изверга въ пропасть могилы;
 „Скорѣе, Надежа, сбереги свои силы;
 „Въ послѣдній разъ вынеси, вѣрный, меня!
 „Послѣднюю, братъ мой! яви мнѣ услугу,
 „Послѣднюю дружбу безчастному другу!
 „Будь вѣтромъ, товарищъ! леги соколомъ!
 „За сѣномъ душистымъ, за крупнымъ овсомъ
 „Въ прохладное примешься стойло;
 „Самъ я твоимъ буду рабомъ
 „И будетъ драгое вино тебѣ поило!“

16.

Впередъ и впередъ! — но за злчнымъ холмомъ
 Въ дали не туманъ бѣлоснѣжный синѣетъ;
 Надъ буркой крыло лебединое вѣетъ:
 Зардѣвшись, горитъ Дамаскинскій шлемъ:
 И молодецъ гаркнулъ, перуномъ решивый
 Пустился по глыбамъ распаханной нивы;
 Настигъ своихъ выжляпъ могучій Рогдай:
 Псы вѣрные подняли радостный лай!

Но кличетъ опчаянный мститель:

„Разбойникъ догналъ себя дай!

„Сорву съ тебя голову; стой, похититель!“

17.

Тогда богатырь на курганъ соскочилъ:
 Онъ гнѣвный шрепещетъ отъ дерзостной рѣчи;
 Онъ ждетъ съ неперывнѣемъ радостной сѣчи —
 Вдругъ долъ застоналъ отъ удара ихъ силъ:
 Свѣтъ гаснетъ средь вихрей подъятаго праха
 И, выглянувъ, звѣрь преисполненный страха
 Побѣгнулъ отъ мѣста ужаснаго прочь

И кроется въ глушь, въ непроходную ночь;
 Но тщетно чингалища блещутъ;
 Равны ихъ искусство и мочь
 И очи ихъ равное бѣшенство мещутъ.

18.

Давно уже длится ихъ бой роковой:
 „Ты добрый, скажу я, и храбрый воитель!“
 На силу дыша, говоришь похититель.
 „Послушай же умное слово, герой!“
 Усталый посадникъ булатъ опускаетъ.
 „Напрасно мы бьемся!“ злодѣй продолжаетъ:
 „Быть можешь, то будетъ угодно Судьбѣ,
 „Ты сломишь меня въ сей тяжелой борьбѣ;
 „Но бойся, дрожи побѣдитель!
 „Или ты, увѣренъ въ себѣ?
 „Какъ знаешь, ей будетъ ли миль мой губитель?

19.

„Не лучше ли, Витязь, рѣшить ей самой?
 „Зачѣмъ намъ сражаться? — Когда выбирая,
 „Она предпочтетъ Нурредину Рогдая,
 „Клянусь, безъ нее ускачу я домой!“
 Сталъ Витязь и въ шажкомъ раздуміи мыслить:
 „Кто женскаго сердца изгибы исчислишь?
 „Но тщетной удачей себѣ онъ польстилъ:
 „Я свѣжую душу любить приучилъ.
 „Такъ! наши сердца породнились;
 „Я былъ ей, я буду ей миль!“
 Весельемъ глаза его вдругъ прояснились....

20.

„Баскакъ, я согласенъ: мнѣ вѣренъ успѣхъ!“

Ордынцу онъ молвилъ и къ ней обернулся.
 Ахъ! какъ же жестоко герой обманулся:
 Она поднимаетъ убійственный смѣхъ
 Она подаетъ похитителю руку!
 Расскажетъ ли кто его адскую муку?
 Увы! не глядишь на ихъ быстрый побѣгъ:
 Онъ ходитъ и шепчетъ, хохочетъ и легъ;
 Плащемъ завернувшись широкимъ,
 Онъ хочетъ заснуть и на вѣкъ!
 И вотъ они скрылись за холмомъ высокимъ!

Въ пустынь надъ нимъ пропекаютъ часы;
 Но машутъ хвостомъ и кругомъ его скачутъ,
 Вдругъ станутъ надъ нимъ и завоюютъ, заплачутъ,
 Ласкаютъ несчастнаго вѣрные псы:
 Заботливо лизжутъ суровыя раны!
 Слѣдили съ него гробовыя туманы;
 Взглянулъ злополучный, взглянулъ, зарыдалъ,
 Къ нимъ руки простеръ, ихъ къ сердцу прижалъ:
 „Придите въ мои вы объятъя,
 „Придите, о други!“ — сказалъ;
 „Вы дороги мнѣ, какъ бы кровные братья!“

Встаетъ и на блескъ веледѣпнаго дня
 Задумчивый смотритъ и пасмурнымъ взоромъ
 Паритъ надъ холмами, надъ полемъ и боромъ,
 Вдохнулъ и зоветъ ретиваго коня:
 Но въ спрѣмя занеслъ едва успѣлъ ногу,
 Вдругъ пыль поднялась и затъмила дорогу,
 Вдругъ громъ отъ копытъ поразилъ его слухъ;

Несется Ордынецъ назадъ во весь духъ :

„Собакъ уступи мнѣ безъ драки ;

„Прошу у тебя ихъ какъ другъ !

„Ихъ дѣвица хочетъ!“ — „Хопятъ ли собаки?“

23.

Топъ молвилъ. „Тапаринъ! пусть сами рѣшатъ!

„Безъ нихъ ускачу я, когда выбирая,

„Они на тебя обмѣniają Рогдая!“ —

Сверкаетъ опъ ярости хищника взглядъ ;

Но мощной рукой не хватая булава ,

Онъ съ смѣхомъ вѣщаетъ на рѣчь супостата :

„Разспанься же съ ними! забудь своихъ псовъ!“ —

Онъ манилъ ихъ сладостью ласковыхъ словъ ;

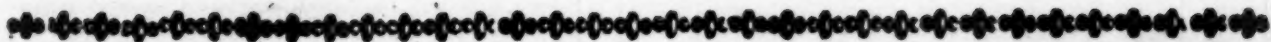
Онъ свиститъ и бьетъ по колену,

Но видитъ рядъ грозныхъ зубовъ

И ихъ не преклонитъ ни чѣмъ на измѣну !

В. Кюхельбекеръ.

IV.

СОНЕТЪ (1823).

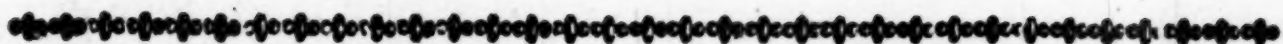
О не стыдись! и перси молодя,
И тихій жаръ потупленныхъ очей,
Ефирный станъ и волны золотыя,
Распущенныхъ съ небрежностью кудрей....

Я понялъ васъ, признанія нѣмыя!
Мнѣ нѣжный звукъ прерывистыхъ рѣчей
Люблю сказалъ и *мнѣ* — сказалъ впервые!
Какъ сладокъ онъ, привѣтъ любви твоей!

Какъ ясны вы, о сладострастныя слезы!
Есть роща! въ ней благоухаютъ розы;
Туда, туда любовь тебя манишь!

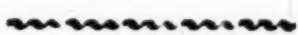
Рука твоя въ моей рукѣ горитъ —
Течетъ луна; окрестность озлашила
И кудрями чело полузакрyla!

V.

ЭМБЛЕМЫ.

Когда настало роковое время для дольняго міра , и миновались золотые дни блаженства чловѣковъ, то преселились поспешенно въ горнее жилище безсмертные боги , на землѣ прежде водворенные. Спокойно теперь возсѣдая въ чертогѣ надоблачномъ, они взирали, какъ мрачная смерть безобразила землю — свѣтлое недавно ихъ обиталище; взирали съ прискорбіемъ, какъ необузданная алчность и страхъ блѣднотланитный рушили счастье оставленныхъ ими смертныхъ; и взорами порою обращаясь на небо , безмолвно читали небожители черты гнѣва и сомнѣнія на пасмурномъ челѣ громоглагола Зевса.

Но вдругъ , сопровождаемая пишиной непрерываемой, приблизились къ осіяному его престолу четыре Добродѣтели, недавнія опшельницы міра: впередъ лепѣла младшая изъ нихъ , легкокрылая Надежда ; за нею рука въ руку неслись стопою легкой

пылкая Любовь и рѣзвая Невинность: и въ кропкомъ величїи шекла позади всѣхъ свѣтлозрачная Вѣра. Вмѣстѣ предспали всѣ предъ отца боговъ и человѣковъ.

„Почто, блистательныя дщери Вѣчности:“ воскликнулъ Зевесъ, „почто предомною въ сей горесѣпный день. когда шлѣніе жестокою поржествуетъ побѣду надъ нами временнымъ міромъ?“

Тогда юная Надежда, крыломъ полуосѣнивъ очи ослѣпленныя блескомъ Безконечнаго, и послушное колено преклоня предъ лучезарнымъ его пресшоломъ, вѣщала:

„Смилуйся, повелитель безсмертныхъ; не издѣвашься пришекли мы надъ временностію твоего творенія, но призрѣніемъ облегчишь гнѣпомый бѣдствіемъ родъ человѣковъ. Не мы ли въ золотые дни его существованія, всечасно въ образъ человѣческомъ обшекая счастливую землю, сѣяли на ней и распили повсюду благословенныя сѣмена наслажденія? И ложно ты называлъ бы насъ чадами Вѣчности неизмѣнной, если бы блаженство вкушая съ земнородными, не соспрадали мы нынѣ ихъ

участі горькой. Дозволь намъ, благоспный отецъ, возвратиться въ образъ человѣчскій: и если не возможемъ утвердить счастія смертныхъ, хотя укрѣпимъ ихъ на пренесеніе бѣдствій!“

Такъ провѣщала Надежда, и улыбнулся невольно Зевесъ громовержець. „Смотрите!“ изрекъ онъ, указуя на низменную землю: „смотрите, сколь малъ и презрипеленъ вращается сей міръ въ одинокомъ пространствѣ, и какъ черви ничтожные, мятутся люди на поверхности праха. О дщери Вѣчности! уже ли обещисъ возможете въ пыльный покровъ сей?“

Богини грустныя безмолвствовали. Тогда, возвыся гласъ, вторично имъ рекъ отецъ и повелитель безсмертныхъ:

„Опныиъ судьба непреклонная запрещаетъ безсмертнымъ являть себя въ покровъ человѣческомъ: блѣдны краски земныя, немощны земныя тѣлеса къ воплощенію духовъ непорочныхъ. Но успокойтесь, богини добродѣтели! еще въ обширности моего созданія остались три одежды небесныя, неоскверненныя прикосновеніемъ

норока — три краски неподражаемыя въ прелести : одною живописалъ я пламя , со-
грѣвающее міръ ; другою обвелъ сводъ не-
бесный, его осѣняющій; претью щедро я
разлилъ на цвѣты и зелія земныя, и ею
украсилъ земную весну , утѣшеніе годовъ.
Обвейте вокругъ себя одежды небесныя ,
небесныя добродѣтели! и блескъ вашей кра-
сопы не зашмился какъ за покровомъ зем-
нымъ, но будешь тихъ , и сносенъ и прия-
тенъ для слабыхъ очей смертныхъ.“

— „Мнѣ, мнѣ пламенный пурпуръ!“ вос-
кликнула Любовь , пылая нестерпивою
дѣятельностію. Зевесъ и подруги не могли
противиться жару словъ ея. Одѣлась въ
пламенѣющую, молніецвѣтную ризу пылкая
Любовь , и быстрымъ , неборимымъ по-
ломъ обнимая вселенную , спремилась воз-
жечь и слишь всѣ души земныя въ одно
великое, жертвенное пламя безсмертнымъ.

Потомъ обратился Вѣчный Зевесъ къ
богоподобной Вѣрѣ, и возлагая лазурно-го-
лубую мантію на рамена величавой, изрекъ
къ ней :

„Цвѣтъ небесной тверди да будетъ
твоимъ знаменіемъ и одеждою, цвѣтъ ожив-

ляющій очи моей безсмертной Паллады (*). Подобно тверди небесной, при всегдашнемъ сіяніи благодатнаго солнца, въ величїи не-нарушимомъ возлежащей надъ облаками и равнинами, надъ безднами морей и снѣжными вершинами скалъ горделивыхъ: спокойно возвышайся, богиня, надъ страхами и влеченіями дольными, и возвышай любимцевъ Паллады.“

Съ веселою улыбкой приняла кропка Надежда зеленую пелену изъ рукъ повелителя, и возвращаясь на изменную землю, вливала сладосный покой въ души кропкихъ, довольныхъ долею скудной, и медленное время ведущихъ беззаботно въ упованіи на вышнюю благость Промысла, изъ былинки ничтожной изводящаго величественный кедръ и прелестную розу.

И розданы были всѣ удѣлы десницею Зевса. Но что спалося съ Невинностію?

(*) Древніе всегда называли Богиню мудрости — голубоокою (*γλυκύκολη*; у Гомера). Они разумѣли подъ симъ то, что Мудрость — одушевлена Вѣрою, что посредствомъ Вѣры только Мудрость сообщается смертнымъ. О.

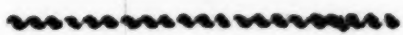
Безпечная Невинность — въ то время, какъ сестры между собою дѣлили одѣянiя, безъ коихъ прислупными не могли бытъ слабымъ смертнымъ — стояла задумчиво по опдалъ, и размышляя о послѣднихъ словахъ къ себѣ Зевса, заранѣе мечшала о близкомъ обновленiи ея прежняго благополучiя земно-родныхъ. „Гдѣ же Невинность?“ внезапно спросилъ Зевесъ съ испышующимъ взоромъ. И каждая сестра движенiемъ невольнымъ уже поспѣшала возложитъ свою одежду на царицу Добродѣтелей; но дани дружества не принимала скромная Невинность. Тогда пресѣкъ сею рѣчью длившiйся споръ великодушiя отецъ милосердый:

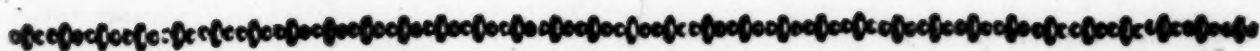
„Ушѣштесь, о несравненныя! при васъ пребудушъ на вѣкъ вами взяшыя доли. Невинности обрѣчена доля высшая. Царица Добродѣтелей будетъ опнынѣ существовать въ моемъ лонѣ, и облеченная въ чистое сiянiе не вечерняго свѣта, съ высоты моего преспола проливатьъ оживляющiе лучи его на ваши земныя одежды.“

Онъ умолкъ — и громкимъ и согласнымъ хоромъ рукоплескали всѣ боги великому Зевсу. Радостная Невинность по-

никла въ его объятія, и блестящая пре-
 была на лонѣ отца-благодѣтеля. Слабые
 сыны чловѣковъ зовутъ ризу Невинности
 ризою безцвѣтною, мертвою для очей ихъ:
 но дѣйствительно есть она чудесное слія-
 ніе, живой источникъ всѣхъ красокъ; и
 токмо освѣщенные неплѣннымъ лучемъ
 непорочности блистають Надежда, Вѣра
 и Любовь своимъ истиннымъ цвѣтомъ. Не-
 оцѣненную прелестъ даруетъ ровный, лю-
 щійся свѣтъ непорочности огневому пур-
 пуру Любви; но его лишенная мерцаетъ она
 синеватымъ пламенемъ слабости, или ба-
 гровыми пышетъ искрами порока.

В. Т.

VI.

КЪ *** (1820).

Давно ли, милый другъ, давно ль благоухали
Питомцы нѣжныя прелестницы весны?

Давно ли мѣлыя рѣзвились и играли
При очарованномъ сіяніи луны?

Весны и лѣта нѣтъ! дубравы потемнѣли,

Очаровательный умолкнулъ соловей;

Не льется въ воздухъ веселый звукъ свирѣли

И флейпой не журчитъ по бархату ручей.

Почто, угрюмый видъ развѣнчанной природы,

Почто уныніемъ спѣсняешь душу ты?

Остановитесь, младенческіе годы!

Куда умчались, минувшія мечты?

Давно ль къ красавицѣ заботливой и нѣжной

Съ нетерпѣливою я радостью лѣтѣлъ

И на груди ея прелестной, бѣлоснѣжной

Въ порывахъ исплѣвалъ, въ порывахъ вновь горѣлъ?

Но осень минется, пройдетъ зима еѣдая,
Сквозь небо дымное лазурь опять блеснетъ!
Какъ улыбалась мнѣ подруга молодая,
Такъ обновленная природа разцвѣтетъ.

С * * * .

VII.

СЛЕЗА (*).

Какъ юный цвѣтъ уединенный
 Отъ зноя гаснетъ средь долинъ,
 Такъ я, любви твоей лишенный,
 Изнемогаю здѣсь одинъ!

* * *

Но, чѣмъ цвѣпокъ вновь оживился,
 Довольно капельки росы;
 Чѣмъ я къ блаженству возвратился
 Довольно мнѣ твоей слезы.

(*) Сіе стихотвореніе замѣчательно тѣмъ, что написано молодымъ человѣкомъ за день до смерти, въ минушу воспоминанія о предметѣ, къ которому питалъ 'страсть безнадежную.

Мнемозина. Часть III.

VIII.

ПИСЬМО XXIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО
ГЕРМАНИИ И ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

Л I О Н Ъ.

$21\frac{1}{9}$ Декабря, 1820.

Мы лепимъ, а не путешествуемъ. — Я уже слишкомъ недѣлю во Франціи и еще ничего не успѣлъ сказать объ ней. — И сегодняшняя опмѣтка будетъ отъ части посвящена Германіи.

Нѣмцы вообще чрезвычайно опрятны и трудолюбивы—два свойства, которыя неоцѣненны для путешественника! Полуденные опличаются отъ Саксонцевъ и Прусаковъ бѣльшею живостію, веселостію и привѣтливостію, но сельская промышленность у нихъ, исключая впрочемъ Баденцевъ, не въ столь цвѣтущемъ состояніи. Германцы доказали

въ послѣднее время, что они любятъ свободу и не рождены были рабами: но между ихъ обыкновеніями нѣкоторыя должны показаться унизительными и рабскими всякому къ нимъ непривыкшему. Къ сему разряду въ особенности принадлежишь употребленіе качалокъ (поршезовъ). — Признаюсь, что въ Дрезденѣ, гдѣ нѣтъ извозчиковъ въ худую погоду полубольной я нѣсколько разъ принужденъ былъ пользоваться ими; но, какъ вообразу, что ѣду или, что все равно, несусь на плечахъ мнѣ подобныхъ, я всегда готовъ былъ выпрыгнуть. — Еще менѣе показался мнѣ обычай заспавлять за деньги пѣть по улицамъ сиротъ, воспитывающихся на счетъ общественный: больно видѣть ешихъ бѣдныхъ дѣшей въ ихъ длинныхъ, черныхъ рясахъ и въ огромныхъ шляпахъ, каковыя у насъ при похоронахъ носятъ могильщики! Вечеромъ они поютъ при факелахъ: тогда ихъ напѣвы томные, пропѣжные ужасны при тишинѣ повсюду царствующей; вступая въ жизнь, они уже должны быть проповѣдниками смерти, суда и разрушенія. Возвращаясь въ Дрезденъ отъ О.....кихъ, на новой площади всякой разъ встрѣчалъ я хоръ ешихъ пѣвчихъ: они казались мнѣ при-

видѣніями или усопшими, которые оставили кладбище, чѣлобы напоминать живымъ о превратности всего земнаго.

Вообще я долженъ назвать Нѣмцевъ народомъ почтеннымъ, добродѣтельнымъ. — Напрасно иные думаютъ, что религія въ Германіи съ нѣкошораго времени въ такомъ же упадкѣ, въ какомъ она во Франціи: могу по чеспи увѣришь, что ошибаются! Я разговаривалъ съ Нѣмецкими учеными, бывалъ въ Нѣмецкихъ обществахъ и семействахъ и вездѣ находилъ, если и не строгое правовѣріе, по крайней мѣрѣ живое благочестіе и почти врожденное чувство своихъ обязанностей.

Когда мы между Келемъ и Спрасбургомъ съ А. Л. переходили пѣшкомъ черезъ мостъ, который соединяетъ и раздѣляетъ Германію и Францію, въ сердцѣ моемъ ожило воспоминаніе о моей разлукѣ съ опечесствомъ: зеленые воды Рейна шумѣли у ногъ нашихъ; утро было ясно, тепло и тихо; отзвѣвы прекраснаго стихотворенія Батюшкова на переходъ Русскихъ черезъ Рейнъ опдались въ глубинѣ души моей. Дельвигъ поручилъ мнѣ вспомнить о немъ

на берегахъ Рейна; съ нимъ, всѣ друзья мои предстали моему воображенію. Я вспомнилъ наши добрыя вечернія бесѣды у О. Н. Г....., гдѣ въ разговорахъ тихихъ, полныхъ чувства и мечпанія вылетали за Рейнскимъ виномъ; сердца наши и сливались въ выраженіяхъ, понятныхъ только въ кругу нашемъ, въ миломъ семействѣ друзей и братій.

ПИСЬМО ХХХ.

Л І О Н Ъ.

22
10 Декабря, 1820.

Спрасбургъ лежитъ не высоко; но вокругъ него весь небосклонъ обставленъ горами: со стороны Германіи Шварцвальдъ, со стороны Франціи хребетъ Богезскій. Восхищительное зрѣлище представляютъ сіи горы съ высоты Каѳедральнаго Собора Мюнстера: я видѣлъ ихъ при солнцѣ; далекія, бѣлыя Богезы сіяли; темно-синій, лѣсистый Шварцвальдъ чѣмъ ближе,

пѣмъ болѣе подходилъ къ цвѣту лиловому и наконецъ весь амфитеатръ городовъ, сель и виноградниковъ, покрывающихъ его, являлся моему взору подернутъ флеромъ красновапшаго дыма. — Мюнстеръ, чудо готической архитектуръ, поразилъ меня своимъ огромнымъ величїемъ: трудно перечисль всѣ украшенїя, которыми онъ покрытъ снаружи; но соразмѣрность, легкость, соотвѣтственность всѣхъ частей неимовѣрны, — сіи украшенїя не опягчаютъ его, онъ, кажется, необходимы! Мюнстеръ началъ въ правленїе Епископа Вернера изъ дома Графовъ Габсбургскихъ въ 1015 году и окончанъ 1429. — Славнѣйшимъ зодчимъ при ономъ былъ Эрвинъ изъ Шшейнбаха, начавшій въ 1227 году сооруженїе исполинской Мюнстерской колокольни, которая принадлежитъ къ высочайшимъ во всемъ свѣтѣ. Труды строителей нѣсколько разъ были прерываемы пожарами и даже по окончанїи всего зданїя пламя довольно часто производило въ немъ большїя опустошенїя. — Сїе явленїе естественное слѣдствїе необыкновенной высоты самой башни, восходящей въ облака и вызывающей противъ себя громъ и молнію. — Примѣчательны: во 1-хъ часы,

сдѣланные въ концѣ XV столѣтія; во 2-хъ, внизу подѣ церковнымъ сводомъ высѣченное изъ дикаго камня плѣненіе Спасителя, которое можетъ подать намъ нѣкоторое понятіе о старинномъ Нѣмецкомъ ваяніи и показываетъ, что оно во многомъ походило на погдашнюю живопись: та же неправильность въ рисовкѣ и размѣрахъ соединена въ ономъ съ тою же теплотою, съ тѣмъ же выраженіемъ.—Окна Мюнстерскаго собора покрыты живописью: онѣ неизъяснимо поразили меня свѣжестію своихъ красокъ и сумрачнымъ мерцаніемъ, которое распростирающъ по обширной, величественной церкви.

Когда мы проходили черезъ нее у всякой почти лампы (здѣсь образовъ во все нѣтъ), во всякомъ углу стояли молельщики на колѣняхъ: тишина царствовала во храмѣ; тишина царствовала на ихъ лицахъ. — Земное удалилось отъ меня: я вспомнилъ тѣхъ, которые за 100, за 600 лѣтъ подѣ сими же сводами, нѣкогда возлетали душою къ Создателю и нынѣ спятъ на лонѣ спокойствія. „Всѣ сіи и ты самъ и тѣ, которые нынѣ живутъ съ тобою и любятъ тебя, слышатъ слова

твои и читаюшъ твои мысли," — сказалъ я себѣ, „всѣ мы ляжемъ въ глубину плѣнія и сыны грядущаго времени будутъ ходить по сему храму и, какъ ты, задумаются; но мысль объ ничтожествѣ не спасетъ и ихъ отъ уничтоженія!“

Въ лѣтописяхъ сумасбродствъ Французской революціи должно остаться памятнымъ предложеніе одного изъ Страсбургскихъ ревнистелей равенства: онъ требовалъ отъ городской думы, чтобы подорвали или снесли Мюнстерскую башню, возносящуюся надъ другими строеніями и тѣмъ повинную въ преступленіи Аристократизма.

Кромѣ Мюнстера, я еще былъ въ Страсбургской большой Евангелической церкви, удивлялся памятнику, сооруженному трудами Пигала Маршалу Саксонскому и долго не могъ разлучиться съ двумя другими, которыми Омахтъ обезсмертилъ двухъ славныхъ своихъ согражданъ—Коха и Оберлина. — Памятникъ Маршала чрезвычайно сложенъ и можетъ нѣкорымъ образомъ назваться мраморною картиною. — Сія картина представляетъ ве-

ликаго полководца ; котораго силился остановить на пути его подвиговъ богиня , изображающая Францію: она видитъ смерть герою при концѣ поприща , принявъ въ открытый гробъ героя ; и онъ видитъ чудовище , но на челѣ его пренебреженіе опасности и безспрашіе : цѣлое окружено профеями , позади коихъ плачущій геній жизни гаситъ свѣпильникъ. — Лице Маршала выразительно; изображеніе Богини чрезвычайно живо и полно движенія. — Впрочемъ цѣлое нѣсколько тяжело : особенно складъ одежды, которая и подъ рѣзцомъ не перестала быть камнемъ.

Памятникъ Коху , несравненно проще. Благодарность въ образѣ сплывающей молодой женщины обхватила урну : геній развертывается творенія почивающаго. — Оба прелестны. — Печаль преобразяетъ черты Богини и неизъяснимою силою передъ нею удерживаетъ зрителя.

При самомъ выходѣ изъ церкви мы видимъ аллегорическое изображеніе Истории , обнимающей урну Оберлина. — Въ этомъ второмъ твореніи Омахта простота и прелестъ тѣ же.

ПИСЬМО XXXI.

АВИНЬОНЪ.

26
14 Декабря, 1820.

Вотъ, каково путешествовать съ лѣнливцемъ, друзья мои! — Лошади меня уже примчали на берега Сорги: я въ мѣстахъ, гдѣ раздавались Канцоны Пепрарковы; миндальное дерево, маслина, кипарисъ, мирпъ, землянишникъ, пинія (*) зеленѣютъ вокругъ меня, а вы по милости моего пера еще въ Страсбургъ; у васъ еще въ свѣжей памяти Нѣмецкія снѣга и вмѣсто вѣчно зеленыхъ рощей и кустовъ Италіи, васъ окружаютъ ошовы деревъ Сѣверныхъ.

Но пора: садитесь! — Мы ѣдемъ. Видите ли еши горы? — Это все еще Вогезы; онѣ еще долго будутъ нашими спутниками. — Мы уже по картѣ во Франціи; но здѣсь въ нравственномъ отношеніи все еще Германія, Германія далеко за Кольмаромъ. Въ Страсбургъ офранцуженные Нѣмцы вамъ скажутъ: „Мы Нѣмцы, но говоримъ по Французски;“ въ Кольмарѣ: „мы Франгузы,

(*) Pinus italica.

но только говоримъ по-Нѣмецки.“ — Впрочемъ, здѣсь вездѣ еще Нѣмецкая опрятность и Нѣмецкая вѣжливостъ. — Между Кольмаромъ и Безансономъ начинается настоящая Франція: мѣста прелестны, божественны! Берега Ду (Doubs) превосходятъ все, что мы видѣли въ Германіи. Горы являлись намъ во всѣхъ возможныхъ цвѣтахъ; бѣлыми при лунномъ сіяніи, зелеными, синими, желтоватыми, бирюзовыми, пурпуровыми. — За Безансономъ наслаждались мы самымъ приятнымъ днемъ нашего путешествія: погода была, какова она у насъ въ самыя лучшія дни Апрѣля или въ началѣ Мая; мнѣ больному даже было слишкомъ жарко въ серпукѣ. Природа улыбалась вокругъ меня, здоровье лилось въ мои члены и радость въ мое сердце. То открывались мнѣ на берегахъ Ду тайная, темная долина — и нѣсколько хижинъ; то городокъ; то пристань для лодокъ: я слѣдовалъ взоромъ за теченіемъ рѣки; лепалъ воображеніемъ по высотамъ Юры, видѣлъ скалы и спремнины, видѣлъ смѣлое пареніе орловъ надъ бездною, — а на скалахъ спада овецъ и козъ. — Бѣлыя облака плылись и отражались въ голубыхъ водахъ, споль же чистыхъ и тихихъ, — какъ была

въ ешу минушу душа моя: я былъ очень счастливъ! — Въ Арбуа мы пили славное вино, которое отъ ешаго городка заимствуешь имя свое и дивились гордости Господъ жителей: они было разсердились, когда мы вздумали сравнить ихъ вино съ Шампанскимъ. — Французы большіе говоруны, — особенно женщины, которыя, кажешся, умнѣе мужчинъ; по крайней мѣрѣ, судя по ихъ опивѣтамъ. — Слово badaud именно выдуманно для Французовъ: во всѣхъ мѣстахъ, которыми мы проѣзжали насъ окружала толпа зѣвакъ; они глядѣли намъ прямо въ лицо. — Съ мала до велика у всѣхъ встрѣчавшихся намъ были руки въ карманахъ и благородная дерзость на лицѣ: ихъ любовь ко всему грязному превосходитъ всякое вѣрояніе; въ хатѣ послѣдняго Русскаго крестьянина чище, нежели въ бѣльшей части постоялыхъ домовъ по нашей дорогѣ. — Бродягъ и нищихъ здѣсь больше, нежели въ Германіи: и кромѣ того здѣсь особенный родъ бѣдняковъ, непросящихъ милостыни, а зарабатывающихъ деньги самыми бесполезными трудами, такъ напр: видѣлъ я молодаго человѣка, заставлявшаго барабанишь заяца: à l'honneur de l'infanterie et

de la cavalerie ; des jeunes demoiselles et des vieilles dames.

Франція по своимъ прекраснымъ, картиннымъ видамъ и по бѣдности, безпорядку и нечистотѣ, царствующимъ повсюду, похожа на масперскую художника, гдѣ собраны предмѣты самыя отвратительныя и самыя прелестныя.

Но тебя я не забуду, лучшее произведение епихъ мѣспъ милая, умная Анешпа, которая при послѣдней перемѣнѣ лошадей поила меня дурнымъ виномъ, въ своихъ сабо и Швейцарской одеждѣ, разговаривала со мною, какъ самая любезная Парижанка и наконецъ шепнула мнѣ свое имѣ: pour que vous vous souveniez de moi !

ПИСЬМО XXXII.

АВИНЬОНЪ.

$\frac{27}{15}$ Декабря.

Лионъ, послѣ Парижа величайшій городъ во всей Франціи. — Его положеніе на рѣкахъ Ронѣ и Сонѣ чрезвычайно живо-

писно ; — особенно берега послѣдней , возвышающіяся амфитеатромъ до предмѣстія ла-Фурбьеръ. — Вода Соны быстрая и мутная цвѣту желтовапато. — Рона шиха и наполнена островами: ея цвѣтъ зеленовапосиній. — Здѣсь возлѣ Ліона можно видѣть развалины Римскаго водопровода , а въ самомъ городѣ церковь , превращенную изъ древняго языческаго капища въ храмъ истиннаго Бога.

Городъ очень многолюденъ и очень грязенъ. — Нигдѣ я не видывалъ такой бездны гостинницъ , кофейныхъ и питейныхъ домовъ ; — всѣ они заняты , во всѣхъ пьютъ , пляшутъ , играютъ въ билліардъ ; — ихъ названія иногда довольно спиранны : помнился , я здѣсь видѣлъ харчевню : à la Providence.

Кромѣ того , здѣсь два театра: здѣшняя труппа большаго театра показалась мнѣ довольно посредственной ; балетъ хорошъ. Въ Германіи я не встрѣшилъ ни одного фигляра; но здѣсь при нашемъ въѣздѣ поспѣхъ бросился намъ въ глаза чудодѣй , который съ величайшимъ безстыдствомъ выхвалялъ свои удивительные порошки , вылѣчивающіе всѣ возможныя болѣзни: на-

родъ его слушалъ съ удивленіемъ; онъ кривлялся въ кодыскѣ своей, не хуже инаго профессора на кафедрѣ и представлялся глухимъ, когда кто изъ проходящихъ, какъ напр: при мнѣ добрый старый крестьянинъ — называлъ его обманщикомъ.

Споишъ замѣшишъ одежду здѣшнихъ извозчиковъ и мапросовъ: первые ходяшъ въ длинныхъ рубахахъ сверхъ прежняго плащя, почти какъ наши крестьяне, съ шую однакожь разницею, что онѣ ничѣмъ не опоясаны и чрезвычайно нечисты: вшорые опличаются своими огромными шляпами, покрывающими половину спины. — Здѣшняя упряжка также иногда довольно примѣчательна: разъ мнѣ случилось любоваться телѣгою, въ которую были заложены осель, муль, корова и наконецъ впереди лошадь.

Ліонскій Музеумъ, въ которомъ я былъ два раза, доставилъ мнѣ большое наслажденіе. Здѣсь въ большемъ множествѣ древностей важенъ огромный мозаикъ, представляющій примѣрное морское сраженіе и служившій вѣроятно помостомъ въ лѣпномъ домѣ или въ банѣ какого нибудь богатаго Лугдунскаго гражданина. — Изъ про-

изведеній новѣйшихъ заняли меня особенно Персей и Андромеда изъ алаго мрамора работы ваятеля Шинара: смѣлость, легкость, прелесть всѣхъ частей пѣла Персеева достойны Торвальдсена, достойны древнихъ; на лицѣ его дышетъ нѣжнѣйшая заботливость; онъ, оборотясь, смотритъ на Андромеду, которую, спасенную, но полумертвую отъ ужаса несетъ на рукахъ! — Какъ жаль, если справедливо, что Шинаръ, довольный приобретеннымъ богатствомъ, пересталъ трудиться для славы и безсмертія!

Картины въ Ліонскомъ Музеумѣ не много; но нѣкоторыя важны для любителя. — Филиппъ де Шампань, хотя собственно родомъ изъ Брюсселя (Фламонецъ), можетъ служить намъ примѣромъ всѣхъ достоинствъ и недостатковъ большей части историческихъ живописцевъ Французской школы. — Его рисовка вѣрна, раздѣченіе свѣжо; правила анатоміи вездѣ соблюдены; складъ одежды тщательна и вѣспѣ свобода; въ его лицахъ есть что-то красивое — въ нихъ всѣ черты, вся наружность, все, если смѣю сказать, тѣлесное идеала, но нѣтъ и тѣни той высокой пре-

лести, которая одна утопченную земную природу возвышаетъ до истиннаго идеала; выраженіе его лицъ разительнѣе, но по большей части ложно и принужденно и потому его лучшія произведенія получаютъ что-то похожее на кривляніе. Филиппъ де Шампанъ заимствовалъ все свое искусство у лучшихъ Италіянскихъ художниковъ; но онъ не былъ Прометеемъ; онъ не могъ похитить ихъ вдохновенія. — Въ Ліонѣ его лучшее произведеніе извѣстная Святая Вечеря, въ которой, какъ говоритъ преданіе, изобразилъ онъ въ видѣ Апостоловъ своихъ друзей — Пор-Рояльскихъ опшельниковъ. — Признаюсь, что я готовъ вѣрить этому сказанію; по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ лица въ этой вечери портреты. — Въ семъ отношеніи эта картина Филиппа де Шампанъ принадлежитъ къ одному разряду съ прекрасною грѣшницею работы Піомбо, видѣнною мною въ Берлинѣ: но Піомбо несравненно превосходитъ Французскаго художника, даже и въ этомъ, не столь трудномъ родѣ. — Примѣчательнѣйшее изъ лицъ послѣдняго — Іуда.

Кромѣ Вечери здѣсь еще нѣсколько картинъ работы Филиппа де Шампанъ: мы за-
Мнемозина. Часть III. 4

мышимъ открытіе мощей — Святыхъ Гервазія и Пропазія. Цѣлое въ томъ родѣ, который Италіянцы называютъ грандіознымъ; — но здѣсь особенно разительное ложное выраженіе на всѣхъ лицахъ и во всѣхъ пѣлодвиженіяхъ. Вымысль отвращенія; мы видимъ здѣсь въ произведеніи Французскаго художника XVII столѣтія ту склонность къ изображенію ужасовъ, убійствъ и крови, которая господствуетъ въ работахъ ихъ позднѣйшихъ живописцевъ, напр: Давида, и которая Французскимъ Трагикамъ, особенно Вольперу, внушила ихъ самыя громкія пирады. — Въ присутствіи святаго Амвросія вынимаютъ тѣла мучениковъ изъ могилъ и находятъ свѣжіе знаки ихъ казни. Примѣчательно, что изъ окружающихъ Амвросія священниковъ — одинъ смотритъ въ лорнетъ на мощи Христовыхъ воищелей. — Вся картина поразила съ начала; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе находишь въ ней недоспапковъ: творенія великихъ мастеровъ напротивъ тѣмъ болѣе приобретаютъ прелести, чѣмъ долѣе глядишь на нихъ.

Въ изгнаніи продавцевъ изъ храма; Жанъ-Жувене (Jouvenet) ни чѣмъ не успѣ-

паетъ въ ложномъ величіи Филиппу де Шампань. — Іисусъ безъ малѣйшаго признака Божественности своего гнѣва.

Съ удовольствіемъ остановишься послѣ сихъ ложно прекрасныхъ дѣпей Французской школы, на истинно прекрасномъ произведеніи Ліонскаго уроженца Іакова Стелы. Младенецъ Спаситель въ объятіяхъ Богоматери принимаетъ поклоненіе Ангеловъ. — Въ вершенѣ возлѣ яслей сына, въ обиліи нищеты и смиренія Марія видитъ всю славу небесную: въ чертахъ Ея выраженіе чистѣйшей любви и невинности. — Созерцаніе еяго благодатнаго лица согрѣваетъ душу, — и признаюсь, мнѣ нужно было согрѣться послѣ холодной пышности Филиппа де Шампань и Жувене!

Къ лучшимъ картинамъ Ліонской Галереи принадлежитъ портретъ славнаго Миньяра, писанный имъ самимъ: изъ еяго портрета видно, что Миньяръ былъ лѣвша; онъ представилъ себя за работою. — Иноскзанія почти всегда холодны; но кисть великаго мастера можетъ остановить зрителя и передъ ними: истинное вы-

раженіе и живость могутъ придасть имъ занимательность настоящаго происшествія. — Такова аллегорія, которую здѣсь представилъ намъ Рубенсъ. — Земля опутанная чудовищнымъ змѣемъ, *Развратомъ* — вызываетъ противъ себя гнѣвъ сына Божія, который готовъ спуститься къ ней, вооруженный перунами казни. — Святые Доминикъ, Францискъ и нѣкоторые другіе простираютъ къ Нему руки, чѣобы моленіями спасли обитель смертныхъ отъ разрушенія: изображеніе Судіи небеснаго смѣло и живо; все Его тѣло находится въ самомъ снремипельномъ наклоненіи; зритель каждый мигъ долженъ ожидать, чѣто Онъ со всеразрушающимъ громомъ низпадетъ на грѣшниковъ; разцвѣченіе заслуживаетъ удивленіе; но Рубенсъ былъ бы не Рубенсъ, если бы не включилъ толстой Голландки въ число своихъ праведницъ.

Одна изъ его лучшихъ, мною видѣнныхъ картинъ — поклоненіе волхвовъ: оно служитъ украшеніемъ Ліонской галлерей. — Рубенсъ не есть живописецъ Граціи; но мальчикъ, который здѣсь между двумя волхвами, такъ милъ, такъ прелестенъ, его голубые глаза такъ

живы и въ тоже время исполнены такой доброты, что кажется сама Грація водила *хотя разъ* рукою живописца силы. — Но самая трудная задача картины разрѣшена въ изображеніи Царя Еѳіопскаго : въ епой головѣ Рубенсъ показалъ себя истинно великимъ художникомъ. — Онъ безобразнымъ чертамъ и смуглому цвѣту Еѳіопскаго лица придалъ столько благочестія и душевной теплоты, что забываешь его наружную отвращительность и съ удовольствіемъ останавливаешься на выраженіи.

Кисти Ван-дер-Мейлена здѣсь — города Лиль и Кале; послѣдній сколокъ не безъ достоинства : передъ городомъ проходитъ конница, дождь начинается накрапывать; вѣтеръ поднимается и волнуетъ верьхи деревъ; безпокойство разпространяется между лошадьми; они встаютъ на дыбы, машутъ гривами и предчувствуютъ непогоду.

Въ Дрезденѣ я видѣлъ двѣ картины Франциска Альбани, живописца прекрасныхъ дѣтей и пригожихъ женщинъ; но, не знаю почему, онѣ тогда на меня не сильно подѣйствовали. — Нѣтъ сомнѣнія, что Дрезденская галлерей чрезвычайно худо располо-

жена и темна; кромѣ того, въ ней столько превосходнаго, что, надѣюсь, мои читатели мнѣ прощаютъ, если, говоря о Рафаелѣ, Корреджіо, Рубенсѣ, забылъ я упомянуть о двухъ маленькихъ картинахъ Альбана, которыя кромѣ того показались мнѣ произведеніями посредственными. — Въ замѣну въ Ліонскомъ Музеѣ два Альбана, на копорыхъ я не могъ наглядѣться. Одинъ представляетъ Крещеніе, другой Іоанна Предтечу, проповѣдующаго въ пустыни. Христосъ и Его Креститель окружены Ангелами; надъ Іисусомъ паритъ въ видѣ голубя Духъ Святый; живописныя берега Іордана представляютъ превосходно округленное цѣлое. — Теперь взгляните на Спасителя: какая нѣжность и гармонія въ епомъ тѣлѣ, какое смиреніе на епомъ лицѣ! Взгляните на Ангела, подающаго ему полотенце: можно ли вообразить себѣ совершеннѣйшее соединеніе чистоты и прелесть? — Глядя на него, я просилъ прощенія у Альбана, что въ Дрезденѣ осмѣлился подумать: онъ не споишъ своей славы!

Іоаннъ возвѣщаетъ пришествіе Спасителя міра: старцы и дѣти, мушны и женщины внимають Его таинственному слову.

Нѣкоторые сидѣли рядомъ на возвышеніи; другіе слушають его, стоя; нрестіе расположились внизу на благоуханной, свѣжей травѣ. Между послѣдними молодая женщина съ груднымъ младенцемъ: ея глаза, обликъ, уста — все прелестно. Неподалеко отъ ней мы видимъ спарика, который стоить здѣсь, чтобы представить красому совершеннаго другаго рода: прекрасная мать съ своимъ младенцемъ, представляетъ намъ жизнь; спарець — безсмертіе.

Ужасный Еспаньелешто меня заставилъ содрогнуться: онъ представилъ тѣло Св. Франциска Ассіескаго такимъ, какимъ онъ долгое время видѣлось въ церкви посвященной ему Папою Григоріемъ IX п. е. стоящимъ въ углубленіи стѣны, съ опверстыми, обращенными къ небу глазами. — Признаюсь, я давно не видѣлъ ничего, возмущившаго меня до такой степени.

Далѣе Перуджино, учитель Рафаелъ — изобразилъ двухъ своихъ хранищелей Святыхъ Іакова и Григорія и я увидѣлъ на ихъ лицахъ столько души, столько теплоты и благочестія, что отъ всего

сердца, полюбилъ ихъ и охотно забылъ невѣрную рисовку художника.

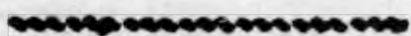
Но лучшая его картина изъ всѣхъ мною видѣнныхъ и какъ увѣрялъ меня мой Чечирне, умный Французъ, побывавшій въ Италіи и Германіи, изъ всѣхъ имъ писанныхъ: *Вознесеніе*. — Лица Апостоловъ въ самомъ дѣлѣ неподражаемо выразительны: свѣжесль цвѣтовъ чудесна: но и въ епомъ во многихъ отношеніяхъ образцовомъ произведеніи Перуджино заплашилъ дань своему вѣку: онъ окружилъ Спасителя какою-то радугою, копорая не имѣя ни малѣйшей воздушности, кажется, противившя Его паренію. На лицѣ Богоматери, стоящей впереди Апостоловъ что-то такое утѣшенное, увѣренное, торжествующее, любящее, чему нѣтъ названія, что можно чувствовать и написать, но о чемъ едва ли можно въ словахъ передать понятіе. — Перуджинова Мадонна, какъ говоришь, служила образцомъ къ славной Рафаелевой Святой Цециліи, находящейся нынѣ въ Флоренціи.

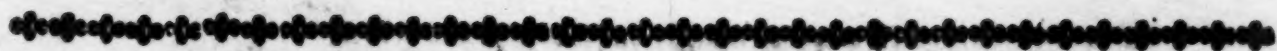
Но хотите ли вы видѣть истинное Вознесеніе на небо, посмотрите на епомъ

легкій парящій ефирный образъ Пресвятой Дѣвы работы Гвидо Рени. — Вотъ безъ сомнѣнія лучшее украшеніе Ліонской галлеи. — Трудно, я готовъ сказать — не возможно вообразить себѣ большей гармоніи во всѣхъ частяхъ, нѣжнѣйшаго разцвѣченія и большей легкости; выраженіе истинно и чисто; Божественная вся уже принадлежишь небу; земныя спраданія ея исчезли и въ душу ея нисходитъ блаженство вѣчное.

Разставаясь съ Ліономъ, замѣчу здѣсь чудное свойство Французскихъ простолудимовъ, придававшіе неизвѣстнымъ имъ словамъ знакомое для нихъ значеніе. — Наемный слуга, котораго взяли мы въ Ліонъ нѣсколько разъ замѣшилъ, что А. Л., когда зовешь своихъ людей, кличешь: *кто тамъ?* Ему вообразилось, что это вѣрно имя одного изъ нихъ. — Однажды онъ слышитъ, что зовутъ, вбѣгаетъ и говоритъ: *Il n'y a personne; votre valet de chambre* *кто тамъ* *vient de sortir!*

В. Кухельбекеръ.

IX.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЬ ГРЕКОВЪ.

Кто въ міръ избралъ путь прекрасной,
Путь трудной чести и добра,
Тому грозитъ бѣдой напрасно
Причудливой судьбы игра.

* * *

Исполненъ тайныхъ утѣшеній,
Щитомъ терпѣнья оградясь,
Увѣренъ онъ, что правды Геній
Восхититъ лавръ въ урочный часъ.

* * *

Исчезнутъ мрачны препинанья,
Замолкнетъ грустный звукъ цѣпей,
И совершатся ожиданья
Отчизны истинныхъ друзей.

* * *

Свободы пѣснь благословенна
Промчится по роднымъ полямъ,

Съ землею забытой примиренна
Аспрея возвратишся къ намъ.

* * *

Тогда мы братской кругъ составимъ
И, разогнавъ тиранства тѣнь,
Отчизны свѣтлый день прославимъ,
Какъ славимъ нынѣ Дружбы день!

С. Н.

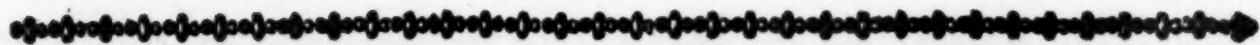

X.

КЪ НИНѢ.

Нина, Нина, догорая!
Солнце капится за лѣсъ;
Нина! вотъ луна молодая
Средь безоблачныхъ небесъ;
Вотъ звѣзда, любви подруга
Засверкала въ далекъ;
Вѣтеръ тихой вѣетъ съ Юга
И играетъ на рѣкѣ. —
Ахъ! забилось нетерпѣньемъ
Сердце друга твоего;
Тайнымъ, сладостнымъ томленьемъ
Пламенѣетъ грудь его. —
Дубъ вѣтвистый, многолѣтний
Далъ пріютъ надежной миѣ;
Скороль огонекъ привѣтливый
Заблестилъ въ твоемъ окнѣ?
Скороль? скороль?.... ожидаю,
Я стою у двери въ рай:
О подруга молодая!
Скромный фаросъ зажигай!

Вспыхнулъ огонекъ желанный,
 Прилетѣлъ блаженства мигъ!
 Страстію очарованный
 Нина! я у ногъ твоихъ —
 Позабудемъ, другъ мой нѣжной!
 Свѣтъ, гоненія людей;
 Насладимся безмятежно
 Здѣсь любовью своей!

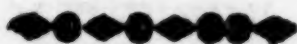

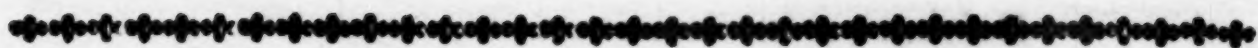
XI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ АВТОРА КРАТ-
 КОЙ ГЕОГРАФІИ ВЪ СТИХАХЪ.

Хромой онъ Инвалидъ
 Въ Парнаасскомъ гарнизонѣ!
 Шарадами моритъ
 И ѣздитъ на Маронѣ.

ХІІ.

БЕЛЬФЕГОРЪ.

(Повѣсть изъ Макиавеля — съ Итальянскаго).

Въ древнихъ Флорентинскихъ лѣтописяхъ случилось мнѣ читать, что нѣкопорый святой мужъ, стоя на молитвѣ, видѣлъ, какъ души людей въ великомъ множествѣ сходили въ адъ и всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ осужденныхъ на муку жаловались на женъ и на нихъ слагали вину своего несчастія. — Миносъ, Радманшъ и другіе судіи Тартара удивлялись жалобамъ и считали ихъ клеветною; но пришельцы съ земли и жалобы ихъ съ каждымъ днемъ умножались, такъ что чиновники адскіе принуждены были отнестись объ этомъ съ рапортомъ къ Плутону. Рапортъ поданъ и весь адъ созванъ на совѣтъ.

Плутонъ съ угрюмою важностію восходитъ на тронъ и говоритъ рѣчь слѣдующаго содержанія :

„Съ тѣхъ поръ, возлюбленные мои подданные, какъ по волѣ неба, по волѣ жребія непреложнаго, царствую въ преисподней, съ тѣхъ поръ я ни кому еще не давалъ опчета въ моихъ поступкахъ; — доселѣ приговоры мои были непремѣнны, какъ приговоры судьбы, или деспота Азіатскаго; но въ чужѣ вижу, какъ тяжело должно быть самовласіе; по сему я рѣшился признасть надъ собою нѣчто высшее—законы; пусть на землѣ какъ хотѣтъ, такъ и поступаютъ; но я — я хочу быть справедливымъ и властію подѣлиться съ подвластными. Вотъ почему вы, возлюбленные мои! — призваны мною на совѣщаніе. Къ намъ поступило дѣло, требующее внимательнаго разсмотрѣнія. Если мы рѣшимъ несправедливо — на насъ падетъ пятно неизгладимое. Я жду вашего мнѣнія; вѣрьте: свободный и правый голосъ не будетъ отвергнутъ! — Души людей каждый день прилепаютъ къ намъ толпами — мы опредѣляемъ имъ казни, они жалуются на жестокость нашу, слагая вину несчастія, постигшаго ихъ, на топъ полъ, — который сами называютъ утѣшеніемъ жизни — на женщинъ вообще и на женъ въ особенності. — Повѣримъ мужьямъ? — насъ назовутъ пристрастными

и слѣдовательно несправедливыми; не повѣримъ — мы прослываемъ жестокими — и слѣдовательно также несправедливыми.“

Благородный, свободный образъ мыслей Царя удивилъ и привелъ въ умиленіе все собраніе; и попому съ большимъ рвеніемъ занялось оно предложеніемъ Плутона. — Думали, говорили, разсуждали и наконецъ рѣшили: „дѣло изслѣдовать на мѣстѣ; п. е. одного изъ членовъ совѣта послать на землю въ образъ человека.“ — Вызывають охотниковъ, охотника не сыскалось, бросають жребій и жребій падаетъ на Бельфегора, одного изъ падшихъ духовъ.

Бельфегору отсчитано сто тысячъ дукатовъ, съ которыми онъ долженъ явиться на землю въ образъ человѣческомъ, женишься и живешь съ женою десять лѣтъ, потомъ возвратишься въ адъ и принеши справедливыя вѣсти: подробной отчетъ о женщинахъ о ихъ приходахъ; о супружествѣ вообще, выгодахъ и невыгодахъ брачной жизни. — Сверхъ того Бельфегору сказано было, что въ продолженіи сего времени онъ подвергается всѣмъ не-

пріятностямъ , неизбѣжнымъ на землѣ , какъ то: бѣдности, судамъ, заключенію въ темницу , словомъ , всѣмъ несчастіямъ , доставшимся въ удѣлъ человѣку. — Впрочемъ могъ онъ, если удастся, опдѣлываться отъ бѣды обманомъ , хитроспійю , точно такъ , какъ-то не рѣдко и у людей бываетъ.

Принявъ условія, наставленія и деньги Бельфегоръ идетъ на землю, запасшись изъ ада: прислугою , коляскою и лошадьми ; со всею пышностію являясь во Флоренціи , называетъ себя Родригомъ изъ Каспиіи и нанимаетъ одинъ изъ лучшихъ домовъ.

Родригъ былъ прекрасной мужчиною лѣтъ около тридцати. Прошло нѣсколько дней, и въ городѣ узнали о его богатствѣ , щедрости , умѣньи жить въ свѣтѣ и о намѣреніи жениться ; — многіе изъ опличныхъ гражданъ, у которыхъ было много дочерей и мало денегъ, спарались завести съ нимъ знакомство.

Выборъ Родриговъ палъ на красавицу Онесту, дочь Еяерика Донапи, у котораго еще было три дочери и три сына — всѣ на возрастѣ. Донапи могъ хвалиться древнѣйшимъ родомъ. Часть III. 5

ностію и знаменитостію рода, уваженіемъ гражданъ, видами на почешныя мѣста, но не богатствомъ — онъ былъ очень, очень бѣденъ.

Назначенъ день брака; — свадьба была великолѣпная. — Родригъ, очеловѣчившись, хотѣлъ блистать въ свѣтѣ; скоро желаніе почестей, славы, исканія похвалъ сдѣлались потребностію души его, а еша потребностію требовала издержекъ значительныхъ.

Свыкнувшись съ Онеспію, онъ такъ влюбился въ нее, что жизни былъ не радъ, когда видалъ ее скучною или, какъ нибудь не умѣлъ угодишь ей. — Онеспа же вмѣстѣ съ знаменитостію своего рода, съ красотою принесла въ домъ Родриговъ такую гордоспъ, какой не бывало и у самага Люцифера; и Родригъ, испытавшій на себѣ, высокомеріе обоихъ, при сравненіи нашель, что гордая жена гораздо несноснѣе гордаго бѣса. Но любовь научила его терпѣнію: притворныя ласки, сладкіе поцѣлуи, горкія слезы обыкновенное орудіе женщинъ, а чаще упреки, негодованіе — выманивали червонцы изъ кошелька Родригова — и Родригъ все терпѣлъ! — Объ издержкахъ на

женскія прихоти и говоритъ нечего : значительная часть адскихъ монетъ перешла въ модныя лавки — иначе и быть не могло. Въ карнавалы, въ Ивановъ день, никто лучше Онесты не наряжался и Родригъ все терпѣлъ. — Но въ семейномъ быту часто, едва, едва доспавало у него терпѣнія: отъ безпокойства, отъ гордости, отъ причудъ жениныхъ у него не могли уживаться люди; каждую недѣлю, иногда каждый день принужденъ онъ бывалъ перемѣнять слугъ и служанокъ; — даже самые бѣсы, копорые даны были ему адомъ для прислуги, захотѣли лучше возвратиться въ преисподнюю и жарились у геенскаго огня, нежели служили причудливой женщиной.

Родригъ былъ въ отчаяніи; червонцы всѣ разнесло какъ вихремъ, оспалась одна надежда: братья Онесты отправились — одинъ на Западъ, другой въ Левантъ съ товарами, купленными по приказанію Онесты частію на наличныя, частію на заемныя деньги Родриговы. „Еще подожду!“ думалъ онъ: „авось съ Запада и изъ Леванта придутъ деньги и съ процентами!“ И дѣйствительно — онъ ждалъ

ждалъ, и чего же дождался? — Одинъ изъ шуриновъ—все проигралъ, у другаго корабль потонулъ! — Узнавъ объ этомъ, заимодавцы спали было присматривать за Родригомъ; но Родригъ однажды упрямъ, тайкомъ переодѣтый сѣлъ на лошадь и — за заставу. — Заимодавцы не дремали; они за должникомъ въ погоню. Родригъ бросаетъ лошадь, бѣжитъ проселочною дорогою въ ближайшую деревню и вбѣгаетъ на дворъ одного крестьянина, по имени Машвѣя.

„Спрячь меня — укрой отъ преслѣдователей — они грозятъ мнѣ тюрьмою — и ты не раскаешься — я награжу тебя, какъ не лъзя лучше!“ — и Машвѣй не долго колебался: на дворъ стоялъ огромный костеръ хворосту — туда крестьянинъ спрягалъ бѣглеца. — Кредиторы съ конвоемъ слѣдившіе должника тщетно распрашивали о немъ у Машвѣя — но ничего не допытавшись, пошли далѣе.

Шумъ утихъ и Родригъ вышедши изъ засады, благодарилъ избавителя своего — увѣрялъ въ неизмѣнносми своего общанія и въ дополненіе разсказалъ ему всю свою исторію: какъ, на какихъ усло-

вѣяхъ и для чего, оставилъ онъ адъ, какъ поступила съ нимъ жена и проч. „Слушай, братъ,“ сказалъ онъ наконецъ доброму крестьянину: „ты очень, очень одолжилъ меня — я не хочу оставаться у тебя въ долгу. Я награжу тебя и награжу щедро. Разсѣвшись съ тобою, я вселюсь въ дочь богатаго Вельможи, — многіе будутъ лѣчить ее и никто не вылѣчитъ. — Тогда смѣло иди въ городъ въ домъ бѣснующейся, пребудь награды и приступай къ лѣченію: шепни только на ухо больной; я услышу твой шопотъ и больная будетъ здорова!“ Родригъ сказалъ и исчезъ.

Черезъ нѣсколько времени разнесся слухъ по всей Флоренціи, что дочь богатаго дворянина Амвросія Амедеи, не давно вышедшая замужъ за Буонароппи Тебалодуччи, бѣснуется. — Мужъ, родители и родственики употребили для излѣченія несчастной всѣ средства, обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ: и окуривали куреніями, и осыпали солью, золою, и призывали опшельниковъ, славившихся примѣрною жизнію; но Родригъ смѣялся ихъ усиліямъ, по прежнему не оставилъ красавицы и нарочно старался показать, что она одер-

жима не какою-либо болѣзнію, а именно бѣсомъ: то говорилъ онъ по Латынѣ, то спорилъ о философскихъ предмѣлахъ, то обличалъ многихъ въ грѣхахъ: такъ напри- мѣръ разсказалъ онъ, что у какого-то смиренника уже шесть лѣтъ живетъ для прислуги женщина, одѣтая въ мужское платье; доказалъ, что одинъ писатель, слывшій иногда предкимъ кришикомъ дѣ- лалъ самъ тѣ же ошибки, въ которыхъ другихъ обвинялъ; открылъ, что у многихъ красавицъ — поддѣльные зубы, брови и проч. и проч. Удивленіе и негодованіе были всеобщими; Амвросію болѣе всѣхъ еще было непріятно.

Уже перялъ онъ всю надежду на излѣ- ченіе дочери, когда вдругъ явился къ нему Машвѣй и взялся излѣчить больную за пятьсотъ флориновъ.

Торгъ слаженъ и Машвѣй, приказавъ опслужить молебень, разумѣется для виду, приближаемся къ бѣснующейся и шепчетъ на ухо: „Родригъ! я пришелъ за наградою — исполни обѣщаніе.“ — А! очень радъ — отвѣ- чалъ бѣсъ, — но ешаго не довольно, я хочу наградишь тебя еще больше. Оставивъ

ещу несчастную, я вселюсь въ дочь Карла, Короля Неаполитанскаго, и не выду изъ нее до ихъ поръ, пока ты не придешь; смотрижь, бери болѣе; ещо будешь въ послѣдній разъ — впередъ не безпокой меня.“ Сказалъ и, къ удивленію всей Флоренціи, оставилъ больную.

Не прошло еще и мѣсяца, какъ по всей Италіи заговорили о несчастіи случившемся съ дочерью Короля Неаполитанскаго; всѣ средства были бесполезны — оставалось одна надежда — Матвѣй; и дѣйствительно, приѣхавъ въ Неаполь, онъ, послѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, мнимо нужныхъ, изцѣлилъ больную. „Видишь ли?“ сказалъ Родригъ Матвѣю „я сдержалъ слово? болѣе не безпокой меня, или я буду вредить тебѣ.“

Возвратившись во Флоренцію съ пятьюстами червонцовъ, Матвѣй думалъ спокойно наслаждаться дарами счастья, не помышляя, чѣмъ Родригъ въ самомъ дѣлѣ когда нибудь вздумалъ вредить ему. — Но спокойствіе его скоро возмущено было горькою вѣстію: дочь Людовика VII, Короля Французскаго — съ нѣкотораго вре-

мени одержима была духомъ. — Король Французскій, до котораго дошелъ слухъ о Матвеѣ, посылаетъ за нимъ нарочнаго; Матвѣй отказывается; Король относитъ къ Правительству Флорентинскому, и бѣдняжка, нехотя, отправляется въ Парижъ. Явившись ко Двору и увидѣвъ бѣснующуюся, онъ рѣшительно говоритъ, что больная не излѣчима; что въ нее не одинъ, а множество бѣсовъ вселилось. — Государь и слушать не хотѣлъ отговорокъ, а, въ случаѣ неудачи, грозилъ крестьянину висѣлицею. — Что было дѣлать Матвѣю? онъ приближается къ одержимой духомъ, шепчетъ на ухо, умоляетъ Родрига, напоминаетъ ему объ услугѣ своей во время опасности. — „Бездѣльникъ!“ отвѣчаетъ ему Родригъ, „развѣ я мало для тебя сдѣлалъ? ты погибнешь, если еще опважишься доучать мнѣ; тебѣ быть на виселицѣ.“ Матвѣй рѣшился избрать другой путь для достиженія своей цѣли: „Государь!“ сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ Людовику: „испытаемъ послѣднее средство: если оно не удастся, то дѣлайте со мною, что угодно Вашему Величеству. Въ слѣдующее Воскресенье прикажите собраться на общую площадь войскамъ, гражданамъ и духовенству — съ

бубнами, липаврами, барабанами — словомъ, со всѣми музыкальными орудіями; по окончаніи Литургіи, по совершеніи молебствія, велише привести больную, и когда подошедъ къ ней и пошепталъ на ухо, я махну шляпой; пусть въ одно мгновеніе раздадутся громогласныя пѣсни духовныя, войска при восклицаніи ударятъ въ бубны, трубы, липавры и барабаны; народъ при рукоплесканіи закричитъ въ одинъ голосъ.“

Король далъ приказъ — и все устроено, какъ должно. — Наступило Воскресенье, — площадь закипѣла народомъ. — Кончилась обѣдня; опслуженъ подъ открытымъ небомъ молебенъ; бѣснующаяся приведена двумя Епископами и многими придворными чиновниками на возвышенное мѣсто площади. — Родригъ увидѣвши столь многочисленное собраніе народа, столь пышную церемонію, изумился. — „Какъ!“ думалъ онъ про себя: „не ужели ешотъ прусъ хочеть испугать меня симъ великолѣпіемъ! глупецъ, онъ не знаетъ, что я присмотрѣлся ко всему великому на Небѣ, ко всему ужасному въ адѣ. Я его!“ Между тѣмъ Машвѣй въ послѣдній разъ пришелъ умолять Родрига, чпобы онъ оставилъ бѣснующуюся.

„Я тебя, бездѣльникъ!“ сказалъ бѣсъ, вслыхнувши отъ досады, „я тебя!“ Крестьянинъ, не теряя времени и присущія духа, махнулъ шляпой — и въ одно мгновеніе раздались громкіе трубные звуки, трескъ липавръ, спукъ барабановъ и пѣсни духовныя. „Что это значитъ?“ спросилъ смущившійся Родригъ? — „Ахъ, Родригъ! Родригъ!“ — отвѣчалъ крестьянинъ, „твоя жена пришла сюда—твоя жена ищетъ тебя.“ Бѣсъ не далъ договорить Матвѣю—опрометью бросился изъ больной и прямо въ адъ.... жена ему казалась ужаснѣе самаго шаршара.

XIII.

ХАРАКТЕРЪ.

Если бы когда нибудь богиня противорѣчій, оставя на время людскія установленія, обычаи, правила Словесности, Журналы, Учебники, Лѣчебники и проч. и проч. вздумала вздыпъ на себя человѣческую оболочку: она бы вѣрно предпочла образъ Анпифана всѣмъ прочимъ. Въ епомъ человѣкѣ — всѣ возможныя крайности соединяются неразрывнымъ союзомъ — Озирисъ и Тифонъ въ одномъ шѣлѣ.

Положимъ, что вы съ нимъ встрѣтились въ обществѣ — какимъ бы вы ни были хорошимъ физіогномикомъ, вы не будете знать къ какому классу причислить физіогномію Анпифана: она не принадлежитъ ни къ какому; ибо — при первомъ взглядѣ она вамъ покажется доброю, даже

слишкомъ проепою , чрезъ минупу злою и насмѣшливою , потомъ опять доброю , потомъ опять злою — и пакъ далѣе. — Иногда взоры его являютъ глубокомысліе , въ другое время — какое-то ребячество ; то выражаютъ привѣпливость , то недоступность. — Обращеніе его еще страннѣе : между смѣлыми движеніями , пріобрѣтаемыми свѣтскимъ навыкомъ , какъ будто мелькаетъ какая-то застенчивость , и робость его можно назвать — дерзкою.

Любопытство заставляетъ васъ спросить знакомыхъ о характерѣ Антифана : одни вамъ скажутъ , что это человекъ чрезвычайно гордый и самолюбивый ; другие — человекъ въ полномъ смыслѣ свѣтскій , разсѣянный.

Вы подходите къ старику , съ которымъ не давно говорилъ Антифанъ , спрашиваете его мнѣніе о послѣднемъ и старикъ вамъ скажетъ , что Антифанъ весьма много о себѣ думаетъ , позволяетъ себѣ обо всемъ судить рѣшительно и , по видимому , можетъ быть доволенъ только однимъ собою. — Вы оставляете старика , подходите къ дамѣ , съ которою Антифанъ

о чемъ-то говоритъ и кажется, съ большимъ жаромъ — и что же слышите? подтвержденіе словъ спариковыхъ: Анпифанъ кого-то бранитъ и надъ кѣмъ-то сиѣтся! Вы уже хотите оставить ешаго самолюбиваго, насмѣшливаго человѣка — но прислушиваешесь и къ величайшему своему удивленію, узнаете, что предметъ и брани и насмѣшекъ Анпифановыхъ — самъ Анпифанъ.

Вы знакомитесь съ нимъ и при первомъ вашемъ къ нему приступѣ, увидите чрезвычайное его желаніе вамъ понравиться; но въ какую минуту вы ему попадетесь; — въ одно время онъ будетъ самъ стараться заговорить съ вами о предметѣ для васъ любезномъ и извѣстномъ, на вопросы ваши станетъ отвѣчать какъ можно неопредѣленно, дабы, извѣдавъ вашъ образъ мыслей, не противорѣчить вамъ; въ другое же время позабывая о васъ, будетъ стараться завести рѣчь о предметѣ будто бы для него самаго привлекательномъ и въ состояніи войти съ вами въ споръ при первой встрѣчѣ; случится, что онъ при первомъ знакомствѣ расскажетъ вамъ все то, что;

кажется, можно сказать только, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ непрерывной пріязни, случится также, что вы отъ него на первый разъ не добьетесь ничего болѣе, кромѣ сужденія о томъ, каковѣ погода.

Короче узнавши Антифана, вы еще болѣе замѣтите въ немъ противорѣчій: онъ хладнокровенъ и вспыльчивъ; по кажется неспособнымъ къ нѣжнымъ чувствованіямъ, по кажется, можетъ любить съ горячностію; въ одно и то же время недо- вѣрчивъ и легковѣренъ, вы легко обмануть его можете; бранишь моды и роскошь и желаетъ быть одѣтымъ въ послѣднемъ вкусѣ; насмѣхаетъ надъ обычаями, ус- тановленіями людскими, но на вѣрное можно сказать, что ревностно имъ бы слѣдо- вать, если бы не столь часто ему мѣ- шала въ томъ его разсѣянность; наконецъ вмѣстѣ и бережливъ и расщипеленъ.

Антифанъ иногда любитъ блистать своими знаніями, шалантами; но въ другое время, не вымолвишь слова, не допронется до инструмента при удобномъ случаѣ по- казать себя; — онъ иногда шутивъ, ино- гда задумчивъ, но все не на долго; часто од- ной бездѣлицы довольно, чтобы развеселить

его, часто ничѣмъ его не можно распро-
 гаешь; бываешь, что видя иногда, сколь
 непріятна его сумрачность окружающимъ,
 онъ какъ будто стараешься казаться весе-
 лымъ; но сія напязка въ немъ тотчасъ
 замѣтна: онъ сего бываетъ, что часто
 слушая, будто бы со вниманіемъ какой-
 либо разговоръ, кажется, не понимаетъ
 его, спрашиваетъ объ томъ, что назадъ
 тому говорили съ минутой; часто, желая
 по видимому скрыть свою скуку, онъ вы-
 шиваешься въ разговоръ, спрашиваетъ о
 чемъ-либо, ни мало тѣмъ не занимаясь и
 думая со всѣмъ о другомъ, и онъ того ча-
 сто удивляетъ недостаткомъ соображенія—
 такое его, если не ошибаюсь, состояніе
 есть признакъ, что какое-либо огорченіе
 гнететъ его сердце.

Легко можно замѣтить, что желаніе
 спокойствія — есть единственное, глав-
 нѣйшее желаніе Анпифана хотя по ви-
 димому безпокойство не престаешь его
 преслѣдовать, что онъ счастливъ и не-
 счастливъ по мѣрѣ своего приближенія
 къ сей цѣли или отдаленія отъ оной — от-
 сюда частію, но не совершенно должна
 происходить его любовь къ уединенію — и

частая задумчивость. Но не жить съ людьми было бы величайшимъ злополучіемъ для Аншифана; кажеиця, онъ въ состояніи опдапья въ неволю чпобы только быть въ общеспвѣ, и со всею его пламенною спраспю къ независимости, легко можно управляпья имъ. Приказаніе опъ кого бы то ни было раздражаетъ его душу, бѣспъ его, но для исполненія просьбы — чьей бы то ни было — онъ гошовъ пожертвоватъ жизнию. Замѣчаютъ, что независимость можетъ быть въ немъ испочникомъ многихъ добродѣтелей: привѣпливости, услужливости, снисходительности, склончивости — рабство же можетъ сдѣлать его скучнымъ, неуслужливымъ, гордымъ, упрямымъ, злопамятнымъ, мспишельнымъ, дерзкимъ и что его гордость расшетъ вмѣспѣ съ насиліемъ, ему дѣлаемымъ. — Словомъ, Аншифанъ въ семъ случаѣ походитъ на лошадь, копорая смирно идепъ тогда только, когда у ней опущены поводъ, но начинаетъ горячиться, по мѣрѣ того, какъ припягиваетця узда ея. Но овладѣйле его душою, и тогда Аншифанъ сдѣлаетця покорнымъ, послушнымъ, едва ли не обожаетъ васъ будепъ; въ семъ случаѣ — на оборонъ онъ въ состояніи надѣлать

дурачествъ тогда только , когда вы ослабите узду свою.

Одно, что можно похвалить въ Анпифанѣ есть его постоянная , непреодолимая страсть къ познаніямъ; но и здѣсь какой хаосъ противорѣчій; войдя къ нему въ комнату, вы его иногда застанете — какъ онъ читаетъ Оому Кемпійскаго, посмапривая на Вольпера ; l'Art de plaire aux dames, изданное каимъ-то Парфюмеромъ лежипъ возлѣ Лейбницевоу Оеодицеи ; собраніе Французскихъ водяныхъ шупочекъ — возлѣ Ньютона и Лапласа. — Анпифанъ—авторъ ; но никогда не начинаетъ менѣе двухъ или трехъ сочиненій , оставляетъ одно и принимается за другое, бросаетъ и епо, чтобы приняпъся за третіе.

Не равнодушно , кажется, смотритъ Анпифанъ и на женщинъ , говоритъ о нихъ иногда съ восхищеніемъ , иногда съ отвращеніемъ. Но едва ли хотя одна женщина можетъ постоянно привязать его : всякое хорошенькое личико его плѣняетъ , но только до новаго хорошенькаго же личика , которое чрезъ нѣсколько времени, Мнемозина. Часть III. 6

въ свою очередь будетъ казаться ему при-
шпорнымъ.

Таковъ Антифана! Вы удивляетесь, но собирая въ мысляхъ все про него сказанное, вспоминаете непостоянство его фязіогноміи; различныя прошиворѣчація мнѣнія о немъ его знакомыхъ; почти невѣроятную неопредѣленность, безцвѣтность его характера; вмѣстѣ вспоминаете и его любовь къ независимости и спокойствію, которая невольно въ немъ обнаруживается; вспоминаете многихъ людей вамъ извѣстныхъ, — и характеръ Антифана, если и не перестаетъ вамъ казаться страннымъ, — по крайней мѣрѣ, не кажется вамъ болѣе столь необыкновеннымъ. ! аше послѣднее замѣчаніе подтверждающъ слова вашего знакома, который къ довершенію прошиворѣчій, по видимому, почти не имѣетъ никакихъ сношеній съ Антифаномъ, но увѣряетъ, что лучше многихъ его знаетъ: по его мнѣнію — „характеръ Антифана походитъ на волнующееся море, въ которомъ хотя волны и находятся въ безпрестанномъ разнообразіи и премѣнчивости, но вода пребываетъ одинаковою.“

Тутъ невольно рождаются въ васъ слѣдующіе вопросы : характеръ Антифана не есть ли оболочка , подъ которою могутъ скрываться характеры , различные до безконечности — наконецъ, не это ли истинный , отличительный, общій характеръ нравовъ нашего времени ?

Сколько предметовъ для размышленія!

О д е с к .

XIV.

УПОВАНИЕ НА БОГА.

На Бога возложу надежду!
Не Онъ ли въ мѣръ меня облекъ?
Не Онъ ли черную одежду,
Хулу и скорбь съ меня совлекъ?
Мои враги торжествовали:
„Погибни!“ — ихъ вѣщаль языкъ;
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ —
Злодѣи въ козняхъ обнищали!
Онъ правоту мою явилъ,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрылъ!
Десницу къ звучному органу
Простру и воскрылюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану!
Ты мечъ и щитъ и панцырь мой!
Глаголь въ меня съ небесъ вложенный,
Какъ громъ промчился въ времена:
Дивясь, умолкнухъ племена;

Свой слухъ преклоняетъ изумленный
Моря и долъ и вышина!
Гремите же, святыя струны!
Воспойте Вышняго Творца,
Раздайтесь до міровъ конца!
Лепите звучные перуны,
Разите гордыя сердца!

В. Кюхельбекеръ.

XV.

А Л Ь Б О М Ъ .

Какъ нѣжный арфы звукъ стихаетъ въ опдаленъи,
 Такъ точно память о друзьяхъ
 Слабѣетъ въ грустномъ разлученъи,
 И на Сатурновыхъ крылахъ
 Не рѣдко навсегда изъ мыслей улетаетъ;
 Но сердце нѣжностью своею дорожитъ,
 Попокъ забвенья отвращаетъ
 И чувству вѣрности даетъ надежный щипъ.
 Смотрише: тамъ рѣзецъ, тамъ кисть прошиво-
 рѣшитъ
 Отсутствию давно утраченныхъ людей;
 Тамъ сводъ древесъ сплещенъ, чѣмъ имъ увѣко-
 вѣчитъ
 Воспоминанье милыхъ дней;
 Здѣсь долгихъ плодъ трудовъ, любовью оживлен-
 ныхъ,
 Бесѣдовать о сей любви не преспааетъ,
 И перстень въ самый часъ прощанья обмѣненный
 Обѣщанъ святость придаетъ.

Но сердца нѣжнаго завѣщныя скрижали,

Гдѣ Дружба скромная и робкая Любовь

Еще вѣрнѣй приютъ снискали,

Сей милый памятникъ счастливейшихъ годовъ,

Открытыхъ чувствъ нѣмой хранитель,

Который съ вѣтренной измѣной не знакомъ,

И вѣчный можешь быть измѣны опомсшителъ,

Сей врагъ забвенія и другъ мой есть—Альбомъ.

С. Н.

XVI.

РАДУГА — ЦВѢТЫ — ИНОСКАЗАНІЯ.

(Индѣйское преданіе).

(Посвящено Варварѣ Ивановнѣ Ланской).

*Oἷα τοῖς μεβάων ἱερῇ
δόσις ἀνθρώποισιν.*

HESED. THEOG.

На берегу Ганга, въ преддверіи велико-
лѣпнаго храма сидѣлъ Браминъ, погружен-
ный въ глубокую думу: глаза его были ус-
премлены на небо, глава пылала, всѣ члены
являли внутреннее напряженіе, восторгъ
развѣвалъ бѣлые власы его; игривое во-
ображеніе облекало предъ нимъ въ одежду

земную, прекрасную — испины высокія, небесныя !

Долго безмолвствовалъ онъ ; вдругъ пререпеть пробѣжалъ по плѣу его, изнемогли ослабѣвшіе члены, усмалая глава склонилась на грудь.... „Волшебные призраки!“ — воскликнулъ Браминъ, — „какою силою подчинили вы себѣ неудержимое никакими преградами — мысль человека ? Гдѣ начало ваше непоспихжныя ? не тамъ ли за седьмымъ міромъ (*), гдѣ волны злаша кипящъ, рвущся въ воздухъ и наполняющъ его благоуханіемъ, не тамъ ли....“ Чудное видѣніе прервало слова его.... все небо показалось ему исполненнымъ *Дивовъ*, духовъ блаженныхъ; ихъ очи, власы, крылія — все сливалось вмѣстѣ и какъ бы пеленою неизмѣримою облекало вселенную.

Опдѣлился одинъ изъ безплопныхъ и приблизился къ Брамину.

(*) Индѣйцы вѣрятъ существованію седми міровъ, изъ коихъ одинъ окруженъ моремъ воды соленой, другой моремъ меда, наконецъ послѣдній моремъ злаша. О.

„Было время,“ вѣщаль онъ „когда на землѣ луга еще не подобились коврамъ испещреннымъ, когда разноцвѣтныя краски не различали предметовъ, звуки не потрясали воздуха и непрерывные пишина и свѣтъ упомляли взоры и слухъ смертныхъ своимъ однообразіемъ: тогда въ сонмѣ божествъ праздновали сочепаніе великаго Чивена (*) съ прелестною Парвади. Боги плавали въ невообразимыхъ увеселеніяхъ: благовонія, волнуясь вокругъ нихъ, спорили о превосходствѣ; многочисленныя, роскошныя яства остановили бы на время ненасытный голодъ самаго Амруша (**);

(*) Чивенъ или Шивенъ — одинъ изъ трехъ божествъ Индіи, и болѣе другихъ почитаемый; замѣчательно, что онъ имѣетъ двухъ женъ: Парвади — отвѣчающую Юнонѣ, которая, какъ извѣстно, была Богинею вѣрности у Грековъ (см. *Monde primitif, par Court de Gébelin t. 1*). и другую — Гунги — Богиню опрятности. Симъ хотѣли Индѣйцы выразить, что два необходимыя условія брака: съ духовной стороны — вѣрность, съ вещественной — чистота. О.

(**) Амрутъ — одинъ изъ сыновей Самонакодама, Бога Сіамцевъ, — славный своимъ обвѣденіемъ. О.

минуша наслажденія въ объятіяхъ Лепмы (*) претворялася для нихъ въ вѣчность.... Но наконецъ удовлетворились всѣ желанія, съ пѣмъ вмѣстѣ испощилось блаженство — Боги жаждали новаго и окруженные успѣхами, скучали.... горестъ сжала сердце Чивена, слеза выкапилась изъ очей его — и что же?.... въ одно мгновеніе она ниспустилась въ пространство: поравнялась съ солнцемъ и — великолѣпная радуга отважно перегнулась чрезъ вселенную; приблизилась къ землѣ и — цвѣты одожили шаръ земной; — доспигла мышленія чело-вѣка и — иносказанія, стройными звуками вырвались изъ устъ вдохновенныхъ, раз-дались въ горнихъ селеніяхъ и — — улыбнулись небожители.

„Такъ, когда чувство непонятное, высокое пѣснитъ душу Пѣвца, одареннаго свыше, крылатая мечта его спремится, подобно лучу солнечному и облекается въ одѣжду звучную, разноцвѣтную — сами Боги

(*) Лепма или Лепчма — Индѣйская Венера.

приникають къ нему и легкокрылые Дивы
прикованы къ его мечпаніямъ!“

Видѣніе исчезло — но спарецъ оста-
вался недвижимъ — онъ казалось все еще
внималъ небесному вѣспнику и воспоргъ
все еще развѣвалъ бѣлые власы его.

О д в с к .

XVII.

КЪ БАРОНУ РОЗЕНУ.

Въ дорогѣ жизни на мгновенье,
Землякъ, я встрѣтился съ тобой
И полюбилъ тебя душой
И грустно для меня съ тобою разлученье!
Одной подвластны мы судьбѣ:
Ко мнѣ она была сурова,
Не слишкомъ ласкова къ тебѣ;
Но что прошло, о томъ ни слова!
А развѣ нынѣ оживлю
Минувшей младости златыя наслажденья
И ихъ спасу на мигъ опъ жаднаго забвенья!
О милый мой, какъ я мечтать люблю
О пышныхъ берегахъ, о рощахъ Морфонтена!
Какъ часто уношусь я въ даль,
Въ Сенклускіе лѣса, въ привѣтливый Версаль!
И для тебя всегда любезна будетъ Сена:
Когда шумѣли тамъ Славянскія знамена
И на зарѣ своей
Ты лавръ уже успѣлъ сорвать между мечей, —

Отъ брани отдыхалъ средъ новыхъ ты друзей
Въ объятіяхъ любви, средъ сладостнаго плѣна!

Но не въ одномъ чужомъ краю
Съ твоей мечтой моя должна елѣпаться дума:

Не оба ль помнимъ мы и здѣсь страну свою —
Хранимую всегда отъ браней и отъ шума?
Быть можешь, скоро ты увидишь тѣ луга —
Луга Эстоніи и мирной и счастливой,

Гдѣ я не зналъ, что есть тоска,
Отъ коихъ рано насъ отторгнулъ рокъ ревнивой!
Ты скоро ихъ увидишь, другъ,
Прекрасныхъ дѣвушекъ, пастушекъ свѣтлоокихъ!
Землякъ! когда тебя обстанетъ милыхъ кругъ

И спросишь о странахъ далѣкихъ,
Тебя обворожитъ рѣчей знакомыхъ звукъ, —
Забудешь горы ты, стремнины и утесы,
И сѣчи быспрыя и сумрачный Кавказъ,
Исчезнутъ для тебя Чеченцы и Черкесы;
Весь міръ твой будетъ взоръ прелестныхъ, тихихъ глазъ:

Землякъ, — я не сержусь, — не вспомнишь ты
о насъ!

Георгіевскъ
1821.

XVI.

КАНТЪ.

Кантъ жилъ до глубокой старости и никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга; тамъ, среди льдовъ угрюмага Сѣвера онъ проводилъ цѣлую жизнь свою въ размышленіи о законахъ ума человѣческаго. Неупомимою ревностію къ изученію пріобрѣтены имъ безчисленныя свѣдѣнія. Онъ весьма хорошо зналъ науки, языки, словесность и, не искалъ славы, которою воспользовался очень поздно; не слыхавъ до того времени, что имя его гремѣло въ ученомъ свѣтѣ, онъ наслаждался безмолвнымъ удовольствіемъ размышленія. Въ уединеніи онъ созерцалъ свою душу; разысканіе мысли подкрѣпляло его добродѣтель и, хотя самъ никогда не подвергался пылкимъ спраснямъ, однако умѣлъ ковать оружіе для ихъ пораженія.

Самая строгая философская жизнь Канта, каковой не было примѣра даже у Грековъ, свидѣтельствовала о праводушіи писателя. Къ сему чистѣйшему праводушію надобно еще присоединить разборчивый, правильный умъ, бывшій судіею генія, когда онъ увлекался слишкомъ далеко. Мнѣ, кажется, сего довольно, чтобы судить безпристрастно о неутомимыхъ трудахъ такого мужа.

Кантъ съ начала издалъ различныя сочиненія свои о наукахъ физическихъ (*) и въ семъ родѣ показалъ такую прозорливость, что первый усмотрѣлъ существованіе планеты Урана. Самъ Гершель, открывшій оное, признался, что Кантъ предсказалъ о томъ. Разсужденіе его о свойствахъ человеческого разумѣнія, подъ заглавіемъ: *Критика чистаго разума*, появилось почти за тридцать лѣтъ, и сіе твореніе нѣсколько времени было неизвѣстно. Когда же постигли сокровище заключающихся въ немъ идей, тогда оно произвело въ Германіи такое дѣйствіе, что почти всѣ

(*) Теорію звѣзднаго неба.

позднѣйшіе успѣхи Словесности и Философіи произошли отъ сего творенія.

За разсужденіемъ о человѣческомъ разумѣніи послѣдовали *Критика дѣятельнаго разума*, заключающая нравственность, и *Критика разсудка*, которой предметомъ было изящное. Сими премо разсужденіямъ, объемлющимъ законы ума, правила добродѣтели и созерцаніе красоты природы и искусствъ, служитъ основаніемъ одинакая теорія.

Я постараюсь изобразить главныя идеи сего ученія; но предувѣдомлю, что сколь ясно не изложу ихъ, однако уразумѣть пошребно большое вниманіе. Чтобы понять какую либо теорію, необходимо нужно вникнуть въ то, что привело самаго Автора къ заключеніямъ, которыя онъ представилъ.

Философія матеріалистовъ завлекла умъ человѣческій въ область внѣшнихъ предметовъ, нравственность къ личной выгодѣ, а изящное ограничивалось только пріятнымъ. Кантъ старался утвердить коренныя истины и самопроизвольную дѣятельность.

Мнемозина. Часть III. 7

ность въ душѣ, совѣсть въ нравственности, идеалъ въ искусствахъ. Теперь рассмотримъ, какимъ образомъ онъ достигъ своей цѣли.

Когда появилась Критика чистаго разума; тогда объ умѣ человѣческомъ существовали только двѣ системы: Локка, которая отъ ощущеній производила всѣ наши идеи; Декарта и Лейбница, старавшихся исполковать духовность и дѣятельность души, свободу воли, словомъ все ученіе идеалистовъ; но сіи два философа утверждались на опытахъ совершенно умозрительныхъ. Въ предыдущей главѣ изложены неудобства, происходящія отъ усилій отвлеченія, которое подавляетъ, такъ сказать, чувства наши, чтобы дѣйствовали одни умственные способности. Алгебраическій способъ изслѣдовать предметы, непоспигаемые однимъ разсудкомъ, не оставляеть въ умѣ никакого продолжительнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ, какъ читають сочиненія о высокихъ философскихъ понятіяхъ, думаютъ, что постигаютъ ихъ и вѣрятъ имъ, но доводы, казавшіеся убѣдительными, вскорѣ забываются.

Если человекъ, упомянутый таковыми усилями, ограничитъ знанія свои только тѣмъ, что подтверждено чувствами, то для души его все будетъ горестно. Получитъ ли онъ идею о бѣзсмертіи, когда предшественники разрушенія столь глубоко впечатлѣны на лице смертныхъ, и когда все живущее безпрестанно обращается въ прахъ? Если всѣ чувства говорятъ о смерти, какая надежда оспается на возрожденіе? Если бы вопрошали только ощущенія, то какая составила бы идея о верховной благости? Въ жизни нашей бываетъ столько горестей, природа обезображивается толико гнусными предметами, что несчастное твореніе сто разъ злословитъ бытіе прежде, нежели испуститъ послѣднее дыханіе. Напротивъ того человекъ, отвергнувшій свидѣтельство чувствъ, чѣмъ будетъ руководствоваться въ сей жизни? Если же онъ будетъ вѣрить только имъ, какой энтузіазмъ, какая нравственность, какая религія проливусь бы безпрестаннымъ нападеніямъ, причиняющимъ то горесть, то удовольствіе?

Въ сей безмѣрной неизвѣстности блуждало размышленіе, когда Кантъ осмѣлился

матеріальнѣ предѣлы двухъ областей — чувствъ и души, вещеспвенной и духовной природы. Можеть бытъ сила разсужденія и благоразумія, какія онъ оказалъ при означеніи сихъ границъ, до него не имѣли примѣра: онъ неспарался проникнуть въ тайну пворенія; онъ позналъ предѣлы ума въ опношеніи къ свержчувспвенному, и для знающихъ Канпа только по наслышкѣ, можеть бытъ, покажется новымъ, что не было ни одного философа, который въ столь многомъ былъ бы прошивникомъ Меттафизикѣ. Онъ углубился въ сію науку для того, чтобы употребить тѣ же средства, которыя служають доказательствомъ ея недоспашковъ.

Локкъ торжеспвенно возспавалъ противъ ученія о врожденныхъ идеяхъ, которыя по его мнѣнію происходили опъ опыта. Онъ не обращалъ вниманія на изслѣдованіе чистаго разума, т. е. коренныхъ способностей, изъ коихъ образуется умъ. Лейбницъ, какъ сказано выше, провозгласилъ сію превосходную аксіому: „Все то, что заключается въ разумѣніи, происходитъ опъ чувствъ, кромѣ самаго разумѣнія.“ Кантъ, также какъ Локкъ, не признавалъ врожден-

ныхъ идей; но онъ рѣшился проникнуть въ смыслъ Лейбницевой аксіомы и разсмотрѣть, какіе законы и чувствованія независимо отъ всякой опытности составляютъ сущность человѣческой души. Критика гистаго разума показываетъ въ чемъ состоятъ сіи законы, и къ какимъ предметамъ могутъ они относиться.

Скептицизмъ, къ которому ведетъ всегда система матеріализма, распространился столь далеко, что Гюмъ, изыскивая доводы проптивъ аксіомы: „нѣтъ дѣйствія безъ причины,“ попорялъ даже самое основаніе разсужденія. Природа человѣческая, безъ источника душевнаго убѣжденія, столь непостоянна, что невѣріе, начиная ополченіемъ проптивъ существованія нравственнаго міра, разрушаетъ употребленное прежде для сего собственное орудіе — міръ вещественный.

Кантъ хотѣлъ знать, способенъ ли умъ человѣскій достигнуть совершенной увѣренности, и нашелъ ее въ необходимыхъ понятіяхъ, т. е. въ законахъ нашего разумѣнія, безъ представленія которыхъ мы ничего постигать не можемъ.

Первая степень главныхъ формъ ума нашего суть пространство и время. Кантъ доказываетъ, что всѣ понятія наши подлежатъ симъ двумъ формамъ. Онъ заключаетъ изъ того, что онѣ находятся въ насъ самихъ, а не въ предметахъ, и что по сему отношенію разумѣніе наше даетъ законы внѣшней природѣ, вмѣсто того, чтобы онѣ ей принимали ихъ. Геометрія, измѣряющая пространство, и Арифметика раздѣляющая время, суть науки совершенно точныя, потому что онѣ утверждаются на необходимыхъ понятіяхъ нашего ума.

Истины, пріобрѣтенныя опытомъ, не доставляютъ никогда совершенной увѣренности; говоря: *солнце каждый день восходитъ, всѣ люди смертны и проч.*, воображеніе могло бы представить исключеніе для сихъ истинъ, которыя единый опытъ заставляетъ почитать несомнѣнными; но самое воображеніе не въ состояніи ничего противопоставить времени и пространству. Сія формы мысли, которой мы подвергаемъ вещи, не лзя принимать за слѣдствіе привычки, т. е. за постоянное повтореніе одинакихъ явленій; ощущенія мо-

гутъ быть сомнительны, но призма, посредствомъ коей ихъ видимъ, непреложна.

Къ первоначальной очевидности пространства и времени, должно присовокупить, или лучше принять за основаніе начала разсужденія, безъ коихъ мы ничего не можемъ понимать и кои суть законы нашего ума. Кантъ почитаетъ необходимыми понятіями сцепленіе причинъ и дѣйствій, единство, множественность, необходимость и проч. (*) и возводитъ на степень наукъ только непосредственно основанныя на понятіяхъ нашихъ, потому что въ нихъ единственно можетъ существовать увѣренность. По формамъ разсужденія выводятся слѣдствіе только въ принаровленіи ихъ къ внѣшнимъ предметамъ, да и въ семъ принаровленіи они подвержены заблужденію; однако сами по себѣ они такъ необходимы, что при всѣхъ нашихъ размышленіяхъ безъ нихъ не лзя обойтись. Мы ничего не можемъ вообразить безъ соотношенія причинъ и дѣйствій, возможнаго, качества и

(*) Кантъ называетъ категорією различныя необходимыя понятія разумнія, коихъ онъ представляетъ картину.

проч.; и сіи понятія также неразрывны съ нашимъ разумѣніемъ, какъ пространство и время. Мы все постигаемъ только по непреложнымъ законамъ способа нашего разсуждать; слѣдовательно законы сіи заключаются въ насъ самихъ, а не внѣ насъ.

Въ Нѣмецкой философіи называются субъективными (*) идеями шѣ, которыя происходятъ отъ ума нашего и его способностей, а объективными (**) шѣ, которыя возбуждаются ощущеніями. Впрочемъ какое не было бы ихъ наименованіе; но мнѣ кажется, изслѣдованіе нашего ума согласно съ главною мыслію Канта, т. е. съ ошліченіемъ формъ нашего разумѣнія отъ предметовъ, копорые мы познаемъ сообразно симъ формамъ, и принаровливаетъ ли онъ ихъ къ понятіямъ отвлеченнымъ, или относитъ, въ религіи и нравственности, къ ощущеніямъ, по мнѣнію его, также независимымъ [отъ опыта, нѣтъ] ничего яснѣе границы, проведенной имъ между шѣмъ,

(*) Идея субъективная есть понятіе о нашей личности. Примѣч. Перев.

(**) Идея объективная есть понятіе о внѣшнихъ предметахъ. Прим. Пер.

что происходитъ отъ чувствъ, и тѣмъ, что зависитъ отъ самопроизвольнаго дѣйствія нашей души.

Нѣсколько словъ изъ Кантова ученія, худо переполкованныхъ, подали случай заключать, что онъ принималъ познанія à priori, т. е. тѣ, которыя начертаны въ душѣ нашей прежде, нежели мы увѣряемся въ нихъ опытомъ. Прочіе Нѣмецкіе философы, ближайшіе къ системѣ Платона, думали, что предначертаніе вселенной находится въ умѣ человѣческомъ, и что человѣкъ не могъ бы познать ее, если бы въ немъ не былъ врожденъ ея образъ; но Кантъ со всѣмъ не говорилъ о семъ ученіи: онъ умственныя науки заключаетъ въ предѣлы Логики, Метафизики и Математики. Логика сама по себѣ ни чему не научаетъ, но будучи основана на законахъ нашего разума, она неоспорима въ опвлеченныхъ ея правилахъ; сія наука ведетъ къ истинѣ только по принаровленію ея къ понятіямъ и вещамъ; начала ея врожденны; а принаровленіе зависитъ отъ опыта. Относительно Метафизики, Кантъ отвергаетъ ея существованіе: ибо онъ думаетъ, что разсужденіе можетъ до-

пущено быть только въ области опыта. Ему казалось, что одна Математика ведетъ непосредственно къ познанію пространства и времени, т. е. законовъ нашего разумѣнія, предшесствующихъ опыту. Онъ старался доказать, что Математика не есть простое искусство разрѣшающее задачи; но наука систематическая, положительная, творческая и столь достоверная сама по себѣ, что для убѣжденія въ ея истинѣ нѣтъ нужды прибѣгать къ опыту. Въ книгахъ Канпа можно найти доказательства, на которыхъ основалъ онъ сіе мнѣніе; по крайней мѣрѣ справедливо, что нѣтъ человека, который болѣе его проповѣдывалъ бы мечтаніямъ и болѣе имѣлъ бы склонности мыслить сухимъ и учебнымъ образомъ, хотя цѣлю ученія его было возвысить родъ человѣческій, который униженъ матеріалистами.

Канпъ, не отвергая опыта, почитаетъ все житейское дѣйствіемъ нашихъ врожденныхъ способностей на внѣшнія понятія. Онъ думаетъ, что опытъ безъ законовъ разума былъ бы только хаосомъ; а законы разума имѣютъ предметомъ начала, доставляемые опытомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что

за его предѣлами Метафизика ни чему не можетъ научить и что чувствованію должно приписать все знаніе и убѣжденіе въ томъ, что не заключается въ міръ видимомъ.

Утверждаютъ божественныя истины единымъ разсужденіемъ, значить употреблять зыбкое во всемъ смыслѣ орудіе, которымъ равно можно защищать и опровергать ихъ; ибо въ семъ отношеніи нельзя найти въ опытѣ никакого оплота.

Кантъ выводитъ равносильныя доказательства въ опроверженіе и подтвержденіе человѣческой свободы, безсмертія души, временнаго и вѣчнаго продолженія свѣта; а перевѣсь, по мнѣнію его, зависить только отъ чувствованія, потому что метафизическіе доводы той и другой стороны, кажутся ему въ одинаковой силѣ (*). Можетъ быть онъ и несправедливо распространилъ до такой степени скептицизмъ разсужденія; но сіе нужно для того, чтобы

(*) Доводы сіи, противоположныя великимъ метафизическимъ вопросамъ, названы Кантомъ *антиноміями*.

вѣриѣ его уничтожитъ , отклоняя доспo-
вѣрными вопросами отвлеченные споры,
отъ него истекающіе.

Несправедливо было бы подозрѣвать
чистое благочестіе Канта , потому что
въ великихъ вопросахъ сверхчувственной
Метафизики онъ сравнилъ разсужденія про-
тивныя и подтверждающія. Но мнѣ , ка-
жется , что сіе мнѣніе доказываетъ чи-
стоту его сердца. Такія разсужденія по-
нимаю не многіе способны , но и тѣ такъ
склонны къ спорамъ , что гораздо лучше
было бы для вѣры , если бы изгнали изъ
Метафизики всѣ вопросы , касающіеся до
существованія Бога , свободной воли , на-
чала добра и зла.

Нѣкоторые почтенные мужи говорили,
что никакимъ оружіемъ пренебрегать не
должно , и что Метафизическіе доводы хо-
роши только для убѣжденія тѣхъ , кото-
рые ихъ уважаютъ ; но доводы сіи ведутъ
къ спорамъ , а споры къ сомнѣнію.

Лучшія событія рода человѣческаго во
всѣхъ временахъ были тѣ , коихъ истину
никогда извѣстнымъ порядкомъ не оспори-

вали ни словесно, ни письменно. Спирасши могли влечь къ дѣянiямъ, заслуживающимъ наказанiе, но никто не сомнѣвался въ самой религiи, какую бы онъ не исповѣдывалъ. Софизмы всякаго рода, злоупотребленiя Философiи въ различныхъ временахъ и вѣкахъ разрушали сiю благородную, твердую вѣру, источникъ геройскаго обладанiя самимъ собою. И пакъ сiе не подаешъ ли философу прекрасной мысли опровергаешь науку, имъ самимъ преподаваемую, и употребляешь всю силу опвлеченiя для доказательства, что есть такiя науки, изъ которыхъ она должна быть изгнана?

Деисмы и фанатики препятсвовали чловѣческому разуму изыскивать нѣкоторыя предметы, но разумъ всегда освобождался отъ сихъ несправедливыхъ препонъ. Предѣлы, въ которыхъ онъ заключалъ себя, придавали ему новую силу, происходящую отъ произвольныхъ законовъ.

Глухо-нѣмый, еще до воспитанiя Аббапомъ Сикаромъ, могъ имѣть внутреннее убѣжденiе въ сущесствованiи Божества. Многiе столь же далеко отстоятъ отъ глубокихъ мыслителей, какъ глухо-нѣмые

оптъ зрячихъ , однако они не менѣе способны питать въ самихъ себѣ , такъ сказать , первоначальныя истины , потому что сіи истины суть пружина чувствованія .

Врачи , въ естественномъ ученіи о человѣкѣ познають начало , его одушевляющее , однако ни одинъ не знаетъ , что такое жизнь , и если кто станетъ разсуждать о семъ , то подобно нѣкоторымъ Греческимъ философамъ можетъ доказать людямъ , что они не живутъ . То же бываетъ при сужденіи о Богѣ , совѣсти и свободной волѣ . Надобно вѣрить имъ , ибо ихъ чувствуютъ ; всякое доказательство будетъ всегда ниже самаго предмета .

Въ Анапоміи не лѣзя разлагать тѣла , не подвергнувъ его разрушенію ; при раздробленіи , испытывая невидимыя истины , обезображиваютъ ихъ даже тѣмъ , что разрушаютъ ихъ единство . Надобно раздѣлять душу на двѣ части , чтобы одна половина насъ самихъ наблюдала другую . Каковъ бы не былъ сей раздѣлъ , онъ лишаетъ существо нашего высокаго пожеланія , безъ коего мы неспособны вѣрить тому , что можетъ утверждать единая совѣсть .

Соберите множество людей и предложите имъ какую либо логическую истину, какую либо общую идею, и вы тотчасъ услышите столько различныхъ мнѣній, сколько будетъ лицъ. Если же изобразите черты величія души, если расскажете о благошворныхъ поступкахъ; то единодушный восторгъ покажетъ вамъ, что вы проникли въ сіе врожденное побужденіе души, столь же живое, столь же сильное, какъ врожденное побужденіе, сохраняющее бытіе наше.

Приписывая познаніе общихъ истинъ чувству, недопускающему сомнѣнія, и стараясь доказать, что разумъ силенъ только въ кругу ощущеній, Кантъ не почитаетъ силу чувства мечтою; напропивъ онъ возводитъ ее на первую степень природы человѣческой. Онъ представляетъ совѣсть врожденнымъ началомъ нравственнаго существованія; а чувство истиннаго и ложнаго, по мнѣнію его, есть коренный законъ сердца, какъ пространство и время, есть коренный законъ ума.

Человѣкъ, помощію разсужденія, не отвергаетъ ли свободной воли? Однако

онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что самымъ почтеніемъ и презрѣніемъ живописныхъ доказываешь, сколь вѣришь произвольному выбору добра и зла во всѣхъ существахъ.

Чувство удостовѣряетъ насъ въ свободѣ нашей, а свобода есть основаніе ученія о должностяхъ: ибо, если человекъ свободенъ, то онъ долженъ самъ творить для себя сильнѣйшія побужденія, которыя сопротивляются дѣйствію внѣшнихъ предметовъ и разрѣшаютъ егоизмъ. Долгъ есть доказательство и порука метафизической независимости человека.

Въ слѣдующихъ главахъ мы рассмотримъ доводы Канта противъ нравственности, основанной на личной выгодѣ, и высшую теорію, которую поставляетъ онъ на мѣсто сего лицемернаго софизма, или сего превратнаго ученія. Первое твореніе Канта, *Критику чистаго разума*, можно разбирать съ двухъ сторонъ; признавая умствование недоспающимъ и пропирѣющимъ, онъ долженъ былъ ожидать того, что противъ него употребили; но мнѣ кажется невозможно читать безъ уваженія его *Критику дѣятельнаго разума* и различныхъ сочиненій о нравственности.

Правила нравственности Канта не только строгие и чистые, какъ должно ожидать сего отъ философской непреклонности, но еще ясно изображаютъ связь сердца съ разумомъ. Онъ желалъ свою опивленную теорію о свойствахъ ума сдѣлать оплотомъ самыхъ простыхъ и сильныхъ умствованій.

Совѣсть, которая происходитъ отъ ощущеній, можетъ уничтожать самого себя и унижаетъ цѣну долга, подчиняя его внѣшнимъ предметамъ. Кантъ безпрестанно доказываетъ, что глубокое чувствование сей цѣны есть необходимое основаніе нашего нравственнаго бытія — законъ, на коемъ оно зиждется. Сила ощущеній и худыя дѣйствія, отъ нихъ происходящія, не могутъ разрушить въ насъ понятія о добрѣ или злѣ точно такъ, какъ погрѣшностями принаровленія не возможно измѣнить понятія о пространствѣ и времени. Во всякомъ положеніи бываетъ всегда сила, противудѣйствующая обстоятельствамъ, которыя истекаютъ изъ глубины души. Весьма ясно, что законы разумныя, нравственная свобода и совѣсть рождаются не отъ опыта.

Какъ въ трактатѣ о высокомъ и изящномъ, подъ заглавіемъ: *Критика разсудка*, приспособляетъ онъ къ удовольствіямъ воображенія шуда систему, которую извлекъ изъ столь плодотворныхъ открытій въ области ума и чувствованія, или, лучше сказать, ту же душу, которую разбираетъ и которая является въ наукахъ, нравственности и изящныхъ искусствахъ. Кантъ изображаетъ, что въ Поезіи и Словесности есть два рода красоты: одинъ можетъ относиться ко временному, т. е. житейскому; другой къ вѣчному, или неопредѣленному.

Не должно утверждать, что безконечное и вѣчное непоспимы; напрошивъ конечное и временное чаще можно почестъ мечтаніемъ: ибо мысль не можетъ опредѣлить несуществованія, потому что бытіе противурѣчитъ ничтожеству. Даже не лзя углубляться въ точныя науки, не встрѣшивъ въ нихъ безконечнаго и вѣчнаго, коимъ самыя положительныя вещи, по нѣкоторымъ отношеніямъ, принадлежатъ столько же, сколь чувство и воображеніе.

Изъ сего принаровленія чувствованія безконечнаго къ изящнымъ искусствамъ долженъ произойти идеаль, т. е. *изящное*, принимаемое не какъ соединеніе и подражаніе тому, что есть лучшаго въ природѣ, но какъ осуществленный образъ того, что представляется въ нашей душѣ. Философы матеріалисты судятъ о изящномъ по пріятному впечатлѣнію, и полагаютъ его въ области ощущеній; Философы спиритуалисты, относящіе все къ уму, видятъ въ изящномъ совершенное, и находятъ въ немъ нѣкоторое сходство съ полезнымъ и прекраснымъ, которые суть первая степень совершенства. Кантъ отвергнулъ оба сіи изъясненія.

Если изящнымъ почитать можно пріятное, то оно заключится въ сферѣ ощущеній, и слѣдственно будетъ зависѣть отъ различія вкусовъ, а не отъ всеобщаго одобренія, которое принадлежитъ истинной красотѣ. Но если изящное совершенно; мнѣніе о немъ должно быть равно тому уваженію, какое внушается самымъ уваженіемъ: ибо восторгъ, произведенный изящнымъ не относится ни къ ощущеніямъ, ни къ сужденію: онъ есть врожденное распо-

ложеніе подобно чувствованію долга и необходимымъ понятіямъ разумнія. Мы познаемъ красоту, когда видимъ ее, потому что она есть наружный образъ идеала, котораго начертаніе впечатлѣно въ нашемъ умѣ. Различіе вкусовъ можетъ принаровляться къ тому, что пріямно: ибо ощущенія суть источникъ сего рода удовольствія; но люди должны удивляться изящному или въ искусствахъ, или въ природѣ, потому что въ душѣ ихъ находящаяся чувствованія небснаго начала, которое красота пробуждаетъ и которымъ заславленъ ихъ наслаждаются.

Отъ теоріи изящнаго переходитъ Кантъ къ высокому, и сія вторая часть его критики разсудка замѣчательнѣе первой: онъ почитаетъ высокимъ нравственную свободу, по мѣрѣ борьбы съ природою или судьбою. Безпредѣльное могущество насъ устрашаетъ, величіе ослѣпляетъ, однако силою воли мы преодолеваемъ чувствованіе нашей естественной слабости. Власть судьбы и неизмѣримость природы находятся въ безконечной проптивуположенности съ жалкою зависимоścią земнаго творенія; но искра священнаго огня въ груди нашей

поржесшвуетъ надъ вселенною : ибо достаточно сей искры , чтобы прошивустоять тому , что силы міра могли бы отъ насъ требовать.

Первое дѣйствіе высокаго состоиптъ въ томъ , чтобы обременять человѣка , а второе , чтобы возвышать его. Когда мы созерцаемъ бурю , воздымающую валы морскіе и , кажется , угрожающую землѣ и небсамъ ; то при семъ зрѣлищѣ ужасъ обладаетъ нами , хотя бы не предположило намъ никакой личной опасности ; но когда облака сгромаздятся , когда вся природа является въ ожесточеніи , тогда человѣкъ чувствуетъ внутреннюю силу , которая волею , или преданіемъ себя во власть божества , употребленіемъ или отверженіемъ нравственной свободы можетъ освободить его отъ всякаго страха ; а познаніе самаго себя одушевляетъ и одобряетъ его.

Когда повѣствуютъ намъ о великодушномъ дѣйствіи , когда рассказываютъ , что люди подвергались неслыханнымъ мученіямъ за упорство въ мнѣніи своемъ даже до малѣйшихъ его оппѣнковъ ; то изображеніе наказаній , ими претерпѣнныхъ , сначала

смущають наши мысли; но постепенно мы ободряемся, и сочувствіе наше съ величіемъ души заспавляетъ насъ думать, что мы также умѣли бы воспоржесствовати надъ слабыми ощущеніями сей жизни и до послѣдней минуты пребыть истинными, благородными, гордыми.

Наконецъ никто не въ состояніи опредѣлишь того, что находишься, такъ сказать, превыше нашего бытія. Въ отношеніи къ намъ самимъ мы только возвышены, что и понять себя не можемъ, сказалъ Св. Августинъ. Сколь бѣдно было бы воображеніе того, кто думалъ бы истощить размышленіе, при разсмащиваніи самаго проспаго цвѣта; и такъ какимъ образомъ достигнуть до познанія всего, что заключаетъ идею высокаго?

Для соглашенія опытной философіи съ идеальною, Кантъ не подчинилъ одну другой; но каждой изъ нихъ отдѣльно умѣлъ дать первую силу. Германія усмрашилась сего сухаго ученія, которое всякій энтузіазмъ почищаетъ заблужденіемъ, и всѣ чувствованія, улаждающія бытіе, помѣстило въ числъ предразсудковъ. Люди, вмѣстѣ

Философы и Поешы, столь способные учить и парить, съ живымъ удовольствіемъ, видѣли сколь точно опвлечеными разсужденіями защищались прекрасныя склонности души. Сила ума не можетъ долго быть отрицательною, т. е. главнѣйше соспоятъ въ томъ, чему не вѣрятъ, чего не понимаютъ и къ чему чувствуютъ отвращеніе. Для насъ необходима философія вѣры, — философія, которая подтверждаетъ разумомъ то, что возвышаетъ наше чувство.

Противники Канта обвиняли его въ томъ, что онъ повторялъ только доводы древнихъ идеалистовъ: они утверждали, что ученіе Нѣмецкаго философа было не что иное, какъ древняя система, изложенная новымъ языкомъ. Упрекъ сей неоснователенъ. Ученіе Канта описывается не только новыми идеями, но и особеннымъ свойствомъ.

Оно опзывается философіею XVIII столѣтія, хотя и опредѣлено для ея опроверженія: человѣку свойственно платить дань духу своего времени даже тогда, ко-

гда онъ хочетъ возставать противъ него. Философія Платона имѣетъ болѣе Кантовой піиписческаго, а философія Малебранша имѣетъ болѣе набожнаго; но Нѣмецкій философъ оказалъ великую услугу возвыщеніемъ нравственнаго достоинства, положивъ ему въ основаніе, сверхъ всего, что есть изыщнаго въ сердцѣ, теорію, утвержденную на сильныхъ доказательствахъ. Противуположность, которую хотѣли поставить между разумомъ и чувствомъ, ведетъ необходимо разумъ къ эгоизму, а чувство къ нелѣпости; но Кантъ, призванный, кажется, совершить великія умственные соединенія, собралъ всѣ способности въ душѣ, въ которой они согласуются между собою.

Спорныя творенія Канта, въ которыхъ онъ вооружается противъ философіи материалистовъ, превосходны и совершенны. Сія философія глубоко пустила корни въ умъ нашъ и произвела столько безвѣрія и эгоизма, что должно почитать благодѣтелями даже тѣхъ, которые ничего болѣе не сдѣлали, какъ возставали противъ сей системы и возобновили мысли Платона, Декарта и Лейбница; но философія новой

Нѣмецкой школы имѣетъ много собствен-
ныхъ идей; она основана на обширнѣйшихъ
познаніяхъ, ежедневно возрастающихъ, и
на способѣ умствования чрезвычайно оп-
влеченномъ и логическомъ. Хотя Кантъ
порицаетъ употребленіе сихъ умствованій
въ изслѣдованіи истинъ, выходящихъ за
предѣлы опыта; однако въ его твореніяхъ
видна сила метафизики, которая поста-
вила его на первую степень мыслителей.

Нельзя отвергать, чтобы слогъ Канта,
въ его *Критикѣ чистаго разума*, не заслу-
живалъ почти всѣхъ упрековъ, сдѣланныхъ
его противниками. Онъ употребилъ тер-
минологию весьма трудную для понятія, и
ввелъ новыя слова, самыя тяжелыя. Онъ
жилъ одинъ съ своими мыслями и вообра-
жалъ, что для новыхъ идей нужны и слова
новыя, хотя бы ихъ и для всего было до-
статочно.

Кантъ, въ изысканіи яснѣйшихъ пред-
метовъ, часто приводитъ къ самой темной
Метафизикѣ, а посреди мрака мыслей при-
носитъ блистательный свѣтъ. Онъ
напоминаетъ симъ о народѣ Израильскомъ,

которому были путеводителями ночью шолъ огненный, а днемъ облачный.

Во Франціи никто не спалъ бы читашъ твореній, изобильныхъ трудностями, подобно Кантовымъ; но онъ писалъ для читашелей терпѣливыхъ и постоянныхъ. Безъ сомнѣнія ето не даетъ еще права употреблять во зло расположеніе другихъ; но можетъ быть Кантъ не столь глубоко проникнулъ бы въ познаніе человѣческаго разумѣнія, если бы полагалъ бѣольшую важность въ выраженіяхъ, принятыхъ имъ для изъясненія. Древніе философы раздѣляли ученіе свое на двѣ части; одну сохраняли они для *избранныхъ*, а другую преподавали всенародно. Кантъ писалъ теорію свою со всемъ различіемъ съ объясненіями его на сію теорію.

Въ метафизическихъ его сочиненіяхъ онъ беретъ слова за цыфры, и назначаетъ имъ произвольную цѣну, не занимаясь всѣми принятою. Но я считаю сіе великою погрѣшностію: ибо вниманіе читашеля, устремленное для понятія языка, истощается прежде, нежели достигнетъ до

идей, и неизвѣстное никогда не служишь
пушемъ, ведущимъ къ извѣстному.

По крайнѣй мѣрѣ, Канту, когда онъ
оставляетъ свой глубокоученый языкъ,
какъ писателю, должно отдавать справедли-
вость, имъ заслуженную. Говоря о искус-
ствахъ, особенно о нравственности, слогъ
его, почти всегда, совершенно ясенъ,
силенъ и простъ. Тогда сколь удивитель-
нымъ кажется его ученіе! Какъ выра-
жаетъ онъ чувство изящнаго и повинно-
веніе долгу! Съ какою силою онъ отдѣ-
ляетъ отъ нихъ всѣ расчеты своекоры-
стія и личной выгоды! Какъ облагоражи-
ваетъ дѣйствія, оцѣняя ихъ по происхож-
денію, а не по успѣхамъ. Какого нравствен-
наго величія не приписываетъ онъ чело-
вѣку, когда разсматриваетъ его самаго, или
наблюдаетъ внѣшнія его отношенія; чело-
вѣку, сему изгнаннику неба, плѣннику зе-
мли, столь великому, какъ изгнаннику,
столь ничтожному, какъ плѣннику!

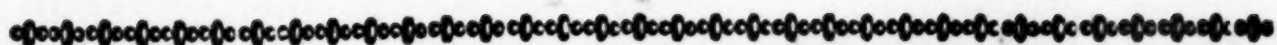
Изъ твореній Канта можно извлечь
множество блистательныхъ идей о всѣхъ
предметахъ, и даже, можетъ быть нынѣ
только одно сіе ученіе содержишь въ себѣ

чершы новыя и замысловатыя : ибо матеріалисты во всѣхъ вещахъ не представляють болѣе ничего занимательнаго и оригинальнаго. Колкія насмѣшки надъ важнымъ, благороднымъ и божественнымъ обвѣщали. — Не возвратился уже юность человеческого рода прежде, нежели философія не возвратилъ его къ религіи, а разумъ къ чувству (*).

А. Боровковъ.

(*) Изъ сочин. Спаль-Голштейнъ о Германіи.

XIX.

СЛѢДСТВІЯ САТИРИЧЕСКОЙ СТАТЬИ.

(Отрывокъ изъ Романа).

(Нужнымъ почипаю здѣсь номѣстипъ нѣсколько словъ изъ Предисловія къ Роману, который скоро весь предсавишся на судъ публики и изъ котораго взяпъ сей отрывокъ: „До сихъ поръ я сполько былъ несчастливъ, что во всѣхъ моихъ Сатирическихъ сочиненіяхъ, разсѣянныхъ по Журналамъ, люди злонамѣренныя хотѣли находипъ отношенія къ лицамъ, въ самомъ дѣлѣ существующимъ и многія изъ моихъ отрывковъ, давно уже достойныхъ совершеннаго забвенія, не переспаютъ нѣкоторымъ образомъ вредипъ мнѣ. Впрочемъ шакова была участь почти всѣхъ Сатириковъ и дурныхъ и хорошихъ: самолюбивое слабоуміе отъ начала

вѣковъ не першѣло зеркала истины и если не могло разбить самаго зеркала, то по крайней мѣрѣ старалось оскорблять тѣхъ, копорые имъ вооружались. — Привычка моя почти подѣ всѣми моими сочиненіями подписывать имя, кажется, должна была бы избавить меня отъ подобныхъ толковъ, неимѣющихъ никакого основанія; но со всѣмъ тѣмъ считаю необходимымъ торжественно объявить, что какъ въ семъ сочиненіи, такъ и въ другихъ, не имѣлъ и не имѣю ничего другаго въ виду, кромѣ обыкновенныхъ матеріаловъ Саширика — спрассей и пороковъ, общихъ всему человѣчеству.“)

Humani generis mater, natrixque profecto
Stultitia est

. . . . Такимъ образомъ все благопріятствовало Графу Двинскому: бракъ Лизы съ Мушкинымъ опложенъ на три недѣли; Лиза согласилась избавиться отъ деспотической власпи Княгини Рядиловой и въ объятіяхъ Ипполита забыть свѣтскія толки о ея неблагодарности, о побѣгѣ и замужствѣ про-

тивъ воли своей благодѣтельницы (*). Но доспавало Двинскому одного только, одного, что своею брѣнностію часто останавливаетъ величайшіе замыслы геніевъ—денегъ: безъ нихъ не лѣзя было и думатьъ объ увозѣ прекрасной Лизы: надлежало подкупать нянекъ, мамушекъ, горничныхъ, лакеевъ и кучеровъ, весь епопъ народъ, копорый подобно прочимъ людямъ, преданъ душою до шѣхъ поръ только, пока слышитъ звонъ въ кошелькѣ. Правда, карманная книжка Графа не спрадала чахопкою, но—имѣла другую болѣзнь, увы! не менѣе опасную — *водяную*, т. е. наполнена векселями, по копорымъ трудно было ожидать уплаты. Одна надежда Графа оставалась на пешку, копорая такъ хорошо была расположена къ нему и еша надежда казалась ему необманчивою. — Но что вѣрно въ сей жизни! — Случай, копорый я теперь разсказать намѣренъ чуть было со всѣмъ не распроилъ предпріятій Двинскаго:

(*) Лиза — въ копорую влюбленъ Графъ, воспитывается въ домѣ Княгини, копорая по неволѣ хочетъ ее отдать за Мушкина, человека безъ ума и воспитанія.

Занимаясь приготовленіями къ своей женидбѣ, Ипполитъ не оставлялъ и Литературныхъ занятій.

Я забылъ сказать, что онъ уже нѣсколько былъ извѣстенъ въ ученномъ свѣтѣ: нѣкоторыя его опыты, были счастливо приняты публикою — и обруганы Журналистами, другіе были расхвалены въ Журналахъ — и осмалены на верхнихъ полкахъ книгопродавцевъ. Журналисты сердились на Публику, Публика на Журналистовъ, — книгопродавцы на Автора, Журналистовъ и Публику вмѣстѣ, — а Ипполитъ — ни на кого; мало нуждаясь въ брани или похвалѣ Журнальной, какъ равно и читающей черни — онъ смѣялся надъ тѣмъ и другимъ; писалъ — потому что писалось и едва ли изъ всѣхъ судей-самозванцевъ — не былъ лучшимъ цѣнителемъ своихъ произведеній.

Между тѣмъ такія занятія доставили ему въ М** новыхъ знакомцевъ, новыя связи. Живучи въ семъ городѣ, онъ невольно замѣтилъ, что всѣ М * * скія общества можно раздѣлить на три класса, различныя ме-

жду собою — почти до невѣроятности: 1-й классъ состоитъ изъ пѣхъ, кои осмѣлись покинуть *цѣны* и *сладострастіе*, разогнать густые *туманы*, забыть о *лунѣ* и заниматься своимъ совершенствованіемъ, въ полномъ смыслѣ ешаго слова (само собою разумѣется, что ешотъ классъ самый маленькій); 2-й, изъ пѣхъ, которые глазъ не сводятъ съ *туманной дали*, читали Парни и Мильвуа — и почишаютъ ихъ величайшими Поемами, — не читали Бопти — и называютъ его величайшимъ философомъ; къ сему же классу принадлежитъ довольно многочисленная дружина переводчиковъ, которые благоговѣютъ передъ каждымъ листкомъ, напечатаннымъ Французскими буквами, ахаютъ, увидѣвши *les Comptes à ma fille, à mon fils, à ma soeur, à ma tante, à mon oncle, à mon neveu* и проч. и проч., при появленіи же какого нибудь бульварнаго Французскаго Водевиля, дюжинами хватаются за него — и съ благоговѣніемъ переводятъ; хотя про сихъ вишней и говорилъ Ипполитъ, что они величественны какъ парящія вороны, легкокрылы какъ моль и столько же полезны, но признавался, что ешотъ классъ — все таки красное солнышко предъ шрѣшимъ и къ Мнемозина. Часть III.

несчастію многочисленнѣйшимъ : составляющіе оный, покинувъ простоту прежнихъ нравовъ и не достигнувши Европейской образованности, оспановились на какой-то безобразной срединѣ : ѣздятъ повсюду ; повсюду скучны себѣ и скучны другимъ ; ели люди до сихъ поръ не подозрѣваютъ , что есть на Руси Императоры , спрашиваютъ кто сочинялъ Руслана и Людмилу и читаютъ — Дамскій Журналъ (*).

Сей послѣдній классъ прежде всего извѣстнѣе былъ Ипполиту , но когда онъ познакомился ближе съ двумя первыми , то разнообразіе оныхъ доставило ему необыкновенное удовольствіе , хотя увы ! не негорькое.

Но хорошо если бы , оставивши свѣтъ , Ипполитъ оставилъ и свой твердый , правдивый характеръ , который навлекъ на него хлопотливую злобу благородной черни и съ которымъ вездѣ худо !

Привыкши независимо обнаруживать свои мнѣнія , Ипполитъ съ негодованіемъ

(*) Франкфуртскій.

смопрѣлъ, какъ многіе припадали предъ модными писателями — и выше ихъ едва ли и самихъ себя спавили. Всякое незначущее выраженіе, всякая ошибка чловѣка съ таланпомъ — имъ казались прелестію; они брали ее за образецъ и распространяли въ Періодическихъ Изданіяхъ свою бездушность и безвкусіе. Такое раболѣпство надобло Ипполиту; онъ собрался съ духомъ и въ одномъ изъ Періодическихъ Изданій напечаталъ статью, въ которой высказавъ свое безпристрастное мнѣніе о разныхъ Писателяхъ, порядочно посмѣялся надъ слѣпыми ихъ подражателями.

Видали ли вы, какія хлопоты производилъ въ муравейникъ — небрежный полчокъ ноги безпечнаго пѣшеходца: онъ прошелъ уже далеко и едва замѣпилъ скопище пресмыкающихся насѣкомыхъ, а они между пѣмъ выходятъ изъ себя опъ гнѣва, — выпускаютъ маленькія жалъца, собираютъ свои былинки, — и кажется полкуютъ, что пѣшеходецъ не иначе, какъ изъ зависти нарушилъ незамѣтные труды ихъ. — Такое точно дѣйствіе произвела статья Ипполитова надъ счастливою посредственностію: развозились литературные насѣ-

комые; каждое изъ нихъ почло себя обиженнымъ въ лицѣ людей съ талантомъ, о которыхъ Ипполитъ говорилъ съ почтеніемъ, но и безпристрастно. Одно изъ нихъ, чрезмѣрно толстое и безобразное напоминало, что не разъ подчивало Ипполита своимъ обѣдомъ; другое — что не разъ хвалило его въ обществахъ и въ Журналахъ; третье — что даже читало свои произведенія Ипполиту; — градомъ сыпались на него добрыя Епиграммы.

Узнавши объ епомъ жузжаньи, Ипполиту любопытнымъ показалось узнать, какое дѣйствіе произведетъ онъ надъ своими смѣшными противниками, встрѣпившись съ ними въ обществѣ.

Для сего онъ избралъ вечеръ, когда въ домъ одного М * * скаго Мецената, собирались всѣ Литературные Переписчики, величаютъ другъ друга названіемъ Писателей.

Къ несчастію, въ епотъ вечеръ, хозяинъ —, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ толщина спорила съ непомѣрною вышиною и кажется, не безъ успѣха, — приготовился прочесть своимъ приятелямъ переводъ, надъ которымъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ

прудился — переводъ двухъ водяныхъ писемъ Севинье (*) — и одного плаксиваго Графиньи (**).

Какъ сіе засѣданіе было приватное, по ему надлежало происходить въ кабинетъ; шутъ уже все было приготовлено для Липсрапурнаго маскарада: шкафчикъ съ книгами какъ бы ненарочно распворенъ; изъ него выглядывали сочиненія Жанлисъ, Дюкре-Дюминилля и неисчислимое множество Notices, Remarques, Apperçues, Resumés, Quelques mots и другихъ книгъ въ родъ: Philosophie, enseignée en deux leçons и l'Art de penser réduit à trois mots и проч. и проч.; на большемъ письменномъ столѣ, между дюжинами спклянокъ, банокъ, зрительныхъ трубокъ, лорнетовъ, щепокъ, щеточекъ и другихъ бездѣлушекъ, коими обыкновенно покрываются дамскіе столики, смиренно

(*) Многіе до сихъ поръ восхищаются письмами Г-жи Севинье, хотя оболочка слога, колпорого красота понятна однимъ Французамъ едва ли выкупаетъ пустоту ихъ содержанія. *Сог.*

(**) Г-жа Графиньи написала много сочиненій; замѣчательнѣйшее изъ нихъ: *Aza ou les lettres d'une Peruvienne*. — Трудно подъ такимъ множествомъ словъ скрыть такъ мало мыслей.

лежали шесть или семь крошечныхъ то-
миковъ нѣкоторыхъ Французскихъ Писа-
телей, коихъ достоинство не превосходило
величины формаша; возлѣ нихъ бронзовой
Амуръ — одною рукою держалъ едва при-
мычную чернильницу и колчанъ съ воронь-
ими, тонко очиненными перушками, а дру-
гою слѣдующую надпись:

Que leurs tendres écrits, par les Grâces
dictés
Ne quittent point vos mains, jour et nuit
feuilletés....

пусть же кстапи находились часы, измѣ-
рившія время, посвящаемое дѣятельному
бездѣйствію; нѣсколько ближе къ порт-
фейлю, гдѣ скрывались творенія самаго
хозяина, было раскидано въ искусственномъ
безпорядкѣ богатое изданіе Лагарпа, съ
премножествомъ опмѣтокъ, будто бы по-
казывавшихъ необыкновенное вниманіе чи-
ташеля, — ибо Мусоринъ (*) между нами
будь сказано былъ — *Классикъ* (**).

(*) Имя хозяина.

(**) Само собою разумѣется, что здѣсь подѣ сло-
вомъ *Классикъ* я понимаю не тѣхъ людей,
которые погружаясь въ глубокія изслѣдованія,
стремятся привести къ одному началу всѣ
явленія въ области духа человѣческаго, но тѣхъ

Далѣ возлѣ Вольперовскихъ кресель споялъ споликъ покрытый краснымъ ковромъ: съ сахарною водою для смягченія грубыхъ нелѣпостей Орапора и Шампанскимъ— для вспоможенія похвалямъ, долженствовавшимъ выходить изъ устъ слушателей.— Между сими припасами споль необходимыми для Литературнаго Общества находилось рукописное собраніе трудовъ хозяина на прекрасной бумагѣ, съ величайшимъ тщаніемъ переписанное и переплененное въ сафьянной переплетъ съ золотыми зашпешками. — Тутъ же спояли двѣ восковыя свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣшникахъ съ зонтиками.

Уже начали собираться; каждый изъ Переписчиковъ - Литераторовъ говорилъ комплементъ своему товарищу и въ слѣдъ за тѣмъ какъ бы невольно срывалось у него съ языка имя Двинскаго; правда они говорили о немъ какъ о человѣкѣ, не имѣющемъ вкуса, желающемъ оплечиться спраннымъ, чеспили даже его названіемъ

которые думаютъ, что далѣ Ешенбурга и Лагарпа шагу ступить не лзя. Последняго рода Классики стоятъ нашихъ Самозванцевъ-Романтиковъ. Сог.

сумасшедшаго и подтверждали свое мнѣніе значительною самодовольною улыбкою; но видно было повсему, что Двинскій задѣлъ ихъ за живое — и что они его, какъ огня боялись.

Въ числѣ приглашенныхъ слушателей находился и Видефьеръ, поэтъ Французскій Профессоръ, который въ домѣ шепки Двинскаго игралъ столь важную роль. — Надобно знать, что онъ за дорогую цѣну читалъ приватныя лекціи Французской Словесности; умѣлъ нравиться дамамъ; былъ товарищемъ молодыхъ людей въ ихъ шалостяхъ; умѣлъ поддѣлываться къ знаемымъ, которыхъ увѣрялъ, что знаетъ Русскій языкъ лучше многихъ Русскихъ Литераторовъ, въ чемъ можетъ быть не ошибался — и повсему ему былъ Оракуломъ М**скихъ обществъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе и жалче Французовъ нашего вѣка, которые думаютъ, что еще не прошло то счастливое время, когда они пользовались Литературною славою, столь несправедливо ими приобретенною; когда Вольперъ кружилъ всѣмъ головы, а Буало и Лагарпъ почитались верховными самодержавцами Парнасса; впрочемъ они не виноваты въ томъ: еще многіе поддерживаютъ ихъ въ семъ заблужденіи, кошо-

рое тогда только совершенно уничтожится, когда умствования глубоки, освещаемые пламенником истины — воспоржесивуетъ надъ обветшалыми предразсудками.

На лекціяхъ Видефъера не было и помину объ епомъ, тамъ толковали о дѣлахъ гораздо важнѣйшихъ: тамъ съ почтеніемъ внимали слушатели глубокиа разсужденія о причинахъ, почему Буало въ своей наукѣ Стихотворства не упомянулъ о Лафонтенѣ; отъ чего Расинъ не имѣлъ счастья нравиться Госпожѣ Севинье; отъ чего Академія не согласилась послушаться Вольтера и писать аі — вмѣсто оі; отъ чего существовала вражда между Аруеломъ и Пирономъ; тамъ еще повторялись съ воспоргомъ неблагоприсойныя шушки любимицъ Людовика XIV; тамъ еще изумлялись смѣлости Лабрюйера, дерзнуваго хвалишь живыхъ Академиковъ (*).

(*) Извѣстно, что въ Парижской Академіи до Лабрюйера надлежало вступающему члену произнести 1-е благодарность за принятіе; 2-е похвалу члену, котораго мѣсто заступаетъ; 3-е похвалу Кардиналу Ришелье и Людовику XIV. Это нелѣпое обыкновеніе, которому и Лабрюйеръ долженъ былъ подвергнуться дало ему мысль — хвалишь живыхъ Академиковъ.

„Не правда ли, что это мысль прекраснѣй?“ сказалъ Видефьеръ одному изъ Литерапоровъ, показывая на висѣщую въ рукахъ Амура надпись, — „я его рекомендовалъ Господину Мусорину!“

— O! charmant! et très à propos! il est amateur de la bonne Litterature! — отвѣчалъ Русскій Литерапоръ со всѣми возможными Французскими ужимками.

„C'est celle de nos grands maitres — не с'est pas? — O! онъ имѣть къ нимъ большой почитанье! — Я ему рекомендовалъ еще перевести то, что вы будете слышать — и онъ послушался. Прекраснѣй переводъ! самая чистѣй Русскія языкъ! — Я вамъ ручаюсь.“

— O вы въ состояніи то судить! — — Не слыхали ли чего нибудь о Двинскомъ? — прибавилъ невольно Литерапоръ.

Иной удивился такому скачку отъ одного предмета къ другому; примется описывать въ Логикѣ причины отношеній идей между собою, ихъ взаимнаго возбужденія — труды напрасныя! — Наши Пар-

нассники — превеликіе мастера на сальпоморшали и постигнушь связь ихъ идей всего труднѣе. Чипаешь о піипическомъ вѣвѣ Аѳинѣ, а шупъ какъ разъ явится Французъ вѣва Лудовика XIV распудренный, раздушенный; — въ образованную Германію сажаютъ — Гоппеншота; а древняго Славянича заставляють орапорспвовать, какъ Англинскаго Лорда въ Парламентѣ. Говорить ли объ учебникахъ, о нашихъ правилахъ Словесности — нѣтъ, избави Богъ — какой желудокъ сварить ешу olla podrida.

— Двинскій не въ Москвѣ — отвѣчалъ Видефьеръ и еще долго не будетъ.

Многіе изъ Парнасниковъ показали видъ будто бы не слыхали Видефьеровыхъ словъ, но едва могли скрыть свою радость; у Мусорина же какъ гора съ плечъ свалилась:

„Такъ стало Графъ Двинскій не будетъ къ намъ сего дня,“ сказалъ онъ съ притворнымъ сожалѣніемъ — „а я только его и дожидался; теперь всѣ наши общіе друзья здѣсь; нѣчего мѣшкать — сядемъ.“

Всѣ чинно усѣлись; дружелюбно придвинулись къ столику. Круговая гаша обошла нѣсколько разъ безпечныхъ спутниковъ жизни, они еще подвинулись и внимательное ухо къ словамъ Мусорина приклонили — — Inde toto pater.... Тогда разверзлись опвисшія уста Орапора; сантиментальныя, кудрявыя фразы уже готовы были иссекашь изъ его чудовищнаго шуловища; уже къ верьху поднялся подбородокъ вмѣстѣ съ глазами, ничего не выражающими; уже вздулися пухлыя щеки.... какъ вдругъ опворяется дверь и входитъ—Графъ Двинскій.

Не лѣзя описать какое смященіе произвелъ нечаянный прїѣздъ его: всякой невольно схватился за шляпу; Мусоринъ хотѣлъ вспасть и привѣтствовать гостя обыкновенною свѣтскою учтивостію, но внутреннее волненіе сковало языкъ его; плѣсная тягость не позволяла приподняться; ноги запутались между ножками столика; — Мусоринъ собираетъ всѣ свои силы, кресла шапашающа; онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ, уронивъ столикъ со всѣми припасами на Видефьера; Видефьеръ желая опсторониться, даетъ сильной толчокъ своему товарищу — Жур-

налисту Вампирову; Вампировъ падаетъ на сосѣда Мушкина, который въ свою очередь роняетъ худощаваго Ахалкина и покрываетъ его всею огромностію своего чрева. — Шумъ, крикъ, прескъ изломанныхъ мебели, спукъ разбитыхъ бутылокъ и рюмокъ — раздалися по цѣлому дому.

Двинскій пораженный такимъ страннымъ пріемомъ оспанавливается, какъ окаменѣлой. — Между тѣмъ въ углу происходитъ ужасное сраженіе: Гекторъ, Датская собака Мусорина, испуганная всеобщимъ смятеніемъ, по какой-то антипатіи или симпатіи — не знаю, бросилась на Вампирова, въ то время какъ онъ отъ толчка Видефьерова и отъ винныхъ паровъ свалился со стула; бросилась, начала порמוшить фалды его плаща и утащила корректурный листокъ Журнала, бывшій въ карманѣ Журналиста; — Вампировъ, успремился на собаку со всею Журнальною яростію, разбилъ свои зеленые очки, но тщетно.... въ первой разъ въ жизни онъ сражался съ достойнымъ себя неприятелемъ — собака самому Вампирову въ злости не уступала и никакъ не хотѣла уступить

своей добычи; — но наконецъ прибѣжавшіе лакеи опбили ее, а Вампировъ съ умиленіемъ спрягалъ въ карманъ обгрызенные остатки своего недѣльнаго вздора; Мусоринъ приподнялся, Видефьеръ также — все утихло, какъ вдругъ изъ-за угла раздался жалобный стонъ — подходящъ ли что же? — видящъ несчастнаго Мушкина на чепверенькахъ, при послѣднемъ издыханіи: барахтаясь съ Ахалкинымъ онъ попался въ ущелину между библіотекой и диваномъ; одурѣвши отъ упавшаго ему на голову со шкапа Лексикона, онъ не могъ пошевелинуться. Двинскій первый подалъ руку помощи своему несчастному сопернику.

Между тѣмъ все пришло въ порядокъ: Мушкинъ причесалъ подкрашенные свои волосы, распрямилъ галсдукъ и спалъ снова молодецъ молодцомъ; Видефьеръ расправилъ измявшіяся манжеты, опустилъ руки въ карманъ и уже готовъ былъ по прежнему опускать свои выпверженные фразы; — Ахалкинъ распустилъ бантъ розоваго плапочка больше прежняго; разстали спулья, сполики.... Но увы! какое зрѣлище поразило опеческія взоры Мусо-

рина! рукописное собраніе его твореній съ такимъ тщаніемъ, столько лѣтъ собираемое — до половины было сожжено упавшею свѣчею во время тревоги....

„Боже милосердый!“ — воскликнулъ Мусоринъ не могши удержаться отъ ужаса, перебирая осипшки отъ сгорѣвшей рукописи — „все: и стихи мои къ *Ней* и мадригалъ на вопросъ *Деліи*, даже письма *Севиньи* и *Графиньи* — все сдѣлалось жертвою пламени....“

Но Мусоринъ скоро спохватился, что не хорошо такъ явно показывать свою родительскую нѣжность — спараясь принять видъ хладнокровный, онъ — — попросилъ всѣхъ садиться — лучше онъ ничего не могъ выдумать.

Усѣлись: разговоръ само собою разумѣется обратился прежде всего на случившееся происшествіе, въ продолженіи коего Мусоринъ со вздохомъ, невольно заговаривалъ о своей потерѣ и умолкалъ, взглядывая на *Двинскаго*.

Разговоръ переходилъ отъ предмета къ предмету: судили, рядили — и между про-

чимъ Ипполитъ замѣнилъ Мусорину, что судьба, истребивши его переводы изъ Севиньи и Графиньи какъ бы хотѣла дать ему знать епимъ, что съ переводами не далеко уйши можно. Тутъ разговоръ обратился на пользу и вредъ переводовъ. Двинскій доказывалъ, что прошла для Русскихъ пора восхищаться всякимъ бредомъ, печатаемомъ во Франціи и что намъ время кинуть раболѣпное подражаніе и производить самимъ, не справляясь съ Башпе и Лагарпомъ.

Видефьеру не понравилась еша мысль: онъ принялся спорить и доказывать превосходство Французской Словесности надъ всѣми прочими; особенно поражала его недовѣрчивость Двинскаго къ правиламъ Французской Литературы — епо превосходило его понятіе; — но тщетно онъ кричалъ, горячился! не могли ничего доказать, онъ постарался, по уѣздъ Двинскаго отмстить ему шулкою: „Епи люди,“ сказалъ онъ по Французски, съ самодовольною улыбкою, „осмѣливающіеся воссѣпавать противъ правилъ, освященныхъ нашими великими учителями — настоящіе Карбонаріи въ Литературѣ; они и тутъ также вредны какъ въ Политическомъ обществѣ.“

Ета шутка чрезвычайно понравилась Русскимъ Парнасникамъ , которые видѣли въ Видефьеръ не только Аполлона, но даже самого Лагарпа и всякое слово его повсю-ряли съ восхищеніемъ. Мудрено ли послѣ того, что на другой же день она разнеслась въ цѣломъ городѣ съ различными прикрасами и имя Двинскаго не иначе стало произноситься , какъ съ прибавленіемъ слова : *Карбонарій*.

Двинскій, ничего не зная о происходящемъ, чрезъ нѣсколько дней отправился къ своей тещкѣ , съ твердою увѣренностію что получитъ себѣ отъ нее помощь; — его принимающъ сухо , сожальющъ о его положеніи и отказывающъ помогать ему ; оскорбленный такою неожиданною переменною, Ипполитъ раскланивается и уѣзжаетъ; когда онъ проходилъ мимо дверей, ему показалось, что тещка его съ досадою вымолвила: *Карбонарій*, — впрочемъ онъ на это не обратилъ вниманія.

„Что за диво“ думаетъ онъ—„чѣмъ заслужилъ я такое обращеніе? — О тещка конечно не въ духѣ — Московская дама!“

Мнемовина. Часть III.

Пріѣзжають въ другой, третій, четвертый разъ — та же исторія! Куда не явился, — всѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ язвы, никто не хочетъ и слушать его.

Между тѣмъ время проходило и срокъ, назначенный Лизою уже оканчивался — надобно было спѣшить — но что могъ предпринять бѣдный Графъ безъ денегъ, безъ помощи, безъ друзей. Онъ уже былъ въ отчаяніи, какъ вдругъ нечаянный случай вывелъ его изъ сего затруднительнаго положенія.

Мы сей случай увидимъ въ слѣдующей главѣ, а окончивая ешу, какъ не воскликнуть:

„О юноши! не пишите Сапирическихъ спашей и пуще всего не говорите истины; не выходите изъ пѣснаго круга, въ которомъ заключила себя посредственность — иначе Вампировы, Мусорины, Мушкины, Ахалкины не дадутъ вамъ покоя... Правда, не опасны язвы ими наносимыя; но что можетъ быть несноснѣе докучливыхъ насѣкомыхъ? — О юноши! не пишите спашей Сапирическихъ!!“

О д в с к.

ВЫКУПЪ ОССИАНА.

✻

То, вдругъ остановясь, коварно неподвижны....
 То снова грянуть въ бой! — Ударъ ихъ каждый
 взмахъ

И въ каждомъ ихъ ударъ рана!...
 Но тѣни праотцевъ хранили Оссіана:
 Ельморъ сраженъ — и съ шумомъ палъ во
 прахъ.

Десницей слабою сжалъ мечъ осиротѣлой,
 Къ опчизнѣ очи обратилъ
 И милую призвавъ, съ улыбкою веселой,
 Взоръ угасающій закрылъ....
 Такъ полная луна плыветъ надъ Океаномъ,
 Свинцовые хребты зыбей его златишь,
 Въ пустынномъ воздухѣ горитъ
 И гаснетъ въ вышинѣ за утреннимъ туманомъ.

* * *

Вечерній вѣтръ шумитъ въ листьяхъ древесъ
 И дымъ съ коспра волнами подымаетъ.
 Угрюмой ночью полонъ лѣсъ.
 Лишь изрѣдка браздой огонь мраки раздираетъ,
 Какъ славныя дѣла нѣмую мглу вѣковъ....
 Убитый на щипѣ, въблизи его убійца,
 Окрестъ Локлина Царь и сонмъ его сыновъ,
 Пылаютъ местию грозны лица
 И взоры мрачные вѣщаютъ Барду казнь.
 Но смѣлый Бардъ въ цѣпяхъ спокойствіемъ укра-
 шенъ;

Печаленъ взоръ, но духъ безстрашенъ;
Унынье въ сердцѣ, не боязнь.

По арфѣ пробѣжалъ могучими перстами;
Привычный звукъ отъвѣстствуетъ перстамъ;
Пѣснь смертная промчалась по струнамъ
И отзвѣвъ, пробужденъ, отгрянулъ за горами....
„О арфа, пробуди уснувшій гласъ въ струнахъ!

Воспой Ельмора прежни бои!

А вы, отжившіе Герои,

Внемлите мнѣ, покоясь въ облакахъ!....

Возспалъ Ельморъ, облекся пѣжкой мѣдью

Возспалъ на смерть своимъ врагамъ;

Сыны Морвена будутъ снѣдью

Локлина гибельнымъ мечамъ.

Спешали вы, скалы моей отчизны;

Какъ подъ ладьями ихъ понтъ пѣною кипѣлъ;

Когда съ побѣдой онъ на вашъ хребетъ взлѣтъ

И въ немъ слѣды врага втоптали укоризны....

Повсюду вихремъ онъ прошекъ,

Исполнивъ землю браннымъ слухомъ;

Означилъ смертью грозный бѣгъ....

И ты, Фингалъ, и ты смутился духомъ!....

Морвенцы смертію спасались отъ оковъ;

Убитыхъ зрѣли ихъ, не зрѣли побѣжденныхъ;

И не считалъ Ельморъ сразившихся враговъ,

Считалъ враговъ сраженныхъ.

Подвигся местию на него

Полночный исполинъ, могучій мой родитель.

Фингалъ остался побѣдитель....

Но заплатилъ за торжество.

Насытился Локлинъ добычею Морвена.

Враги — прелестныхъ дѣвъ чрезъ море увлекли

И холмы вражеской земли

Опозвались на споры плѣна.“

Умолкъ.... Унылый звукъ по струнамъ пробѣжалъ.

Но сладокъ былъ сей звукъ Царю Локлина:

Плѣненный врагъ отцу воспоминалъ

Вѣнчаннаго спокрапъ побѣднымъ лавромъ сына.

Съ отцовскаго чела изгладилась тоска;

Лишь одинокая слеза въ очахъ дрожала

И долго — праздная рука

Забытый мечъ невольно обнажала.

Казалось, въ душу съ пѣснью сей,

Вспѣсился рой родныхъ воспоминаній;

Казалось, въ памяти дряхлѣющей своей

Онъ оживилъ толпы побѣдъ, завоеваній,

И славу бурную давно-минувшихъ дней,

Когда онъ самъ гремѣлъ, какъ горніе перуны....

Но вновь ударъ по смолкнувшимъ струнамъ—

И заспонали струны

И новой пѣснью отвѣстивуютъ перстамъ.

„Давно ль ты цвѣлъ? Давно ль благоуханьемъ,

Прелестный цвѣтъ, долины услаждалъ?

Тебя лелѣялъ день отеческимъ сіяньемъ

И вечеръ хладною росой напоялъ.

Но вѣтръ дохнулъ губительнымъ дыханьемъ

И ты безвременно увялъ!

И ты, во цвѣтѣ лѣтъ кончиной пораженный,

Ты рано кончилъ быстрый бѣгъ.

О юноша! Прекрасенъ былъ твой вѣкъ,

Гремящій, какъ перунъ, какъ молнія—мгновенный!
 Не будетъ жребій царствъ твой грозный мечъ
 рѣшать;

Твой щипъ не воззоветъ къ Локлинцу звукомъ
 брани;

Твой голосъ, повѣстью твоихъ завоеваній,
 Не будетъ жадный слухъ родителя ласкать.

А ты, прекрасная, любившая Ельмора,
 Тебѣ не осушать плѣнительныхъ очей.

Ты свѣтлаго его не встрѣпишь болѣ взира
 И твой отвыкнетъ слухъ отъ сладостныхъ рѣчей.

Не будетъ милый твой свиданьемъ

Тоску разлуки прогоняшь

И спростнымъ, медленнымъ, помышельнымъ лоб-
 заньемъ,

Блаженство въ душу проливать.

Вопще, пришедъ на брегъ, прославленный Ель-
 моромъ,

При шумѣ сладостномъ блестящихъ пѣной водъ,
 Звать будешь милаго душой, словами, взоромъ;

Вопще: твой милый не придетъ!"

И эхо вторило печально: *не придетъ!*

На Царское чело возсѣли мрачны думы:

Всю цѣну познавалъ потери онъ своей

И слезы медленно капились изъ очей....

Предъ нимъ, склонясь на лезвія мечей,

Стоятъ его сыны, безмолвны и угрюмы....

Безслезны очи ихъ; въ бунтующихъ сердцахъ

Пылаетъ жажда мщенья

И отражается въ сверкающихъ очахъ.

Казалось, ждущъ они отъ старца повѣлѣнья
Упиться кровію пѣвца

И жизнь его принесть Ельмору въ даръ надгробной;
Ихъ взоры пребуютъ лишь знака отъ отца....
Но скованъ ихъ отецъ печалію безмолвной...,
Какъ громъ ударилъ Вардъ по дремлющимъ стру-
намъ;

Дубравы звукомъ потряслися;
Раздался отзвѣвъ по горамъ
И пѣсни вихремъ понеслися:

„Смотри: Ельморъ плыветъ на грозныхъ облакахъ!

На немъ доспѣхъ, изъ молній соплешенный;
Шеломъ, сіяніемъ зарницы оперенный;

Мечъ радужный блески въ его рукахъ.
Средь облачныхъ долинъ, еленей поражаетъ
Онъ мешкою, пернашою стрѣлой.

Часъ отдыха насталъ—онъ мертвыхъ услаждаетъ
Разказами страны родной;

Вѣщаетъ имъ гремѣющія побѣды,
Набѣги быстрые на Сѣверныхъ моряхъ
И дружнія, веселыя бесѣды

При стукѣ звонкихъ чашъ, при плѣющихъ дубахъ.
Спокоенъ будь, Герой!—Въ наслѣдный даръ Локлину
Свой дѣла ты завѣщалъ.

Гласъ Бардовъ освятивъ великаго кончину;
Предастъ ее вѣкамъ средь плесковъ и похвалъ.
Ихъ пѣснь въ подлунной пронесется,
Въ страны далекія, чрезъ темны времена
И сердце храбраго на гласъ ихъ отзовется,
Какъ звукомъ радости дрожащая струна!“

Гремятъ торжественныя струны!....
 Локлина Царь забылъ печаль и бремя лѣтъ;
 Онъ мнилъ, что вѣще перуны
 Отъ сына радостный несли ему привѣтъ,
 Надежду скорого свиданья,
 Надежду сладкую дѣлами жить въ вѣкахъ!....
 Сыновъ его томятъ геройскія желанья
 И гаснетъ мщеніе въ желѣзныхъ ихъ сердцахъ.

Забыта скорбная утрата!
 Одною жаждою волнуется ихъ грудь:
 Устать побѣдами, на лаврахъ опдохнуть,
 Иль смертію купить завидный жребій брата.
 Не скрылись отъ пѣвца восторги ихъ сердець,
 Изъ груди плѣнника исторгся вздохъ печальный;
 И съ арфой вновь бесѣдуетъ пѣвецъ —
 И тихо пролетѣлъ по арфѣ звукъ прощальный:
 „Свершилось! Ранній гробъ мнѣ грозно предстоитъ!
 Я встрѣчу смерть въ странѣ отъ родины далекой;
 Мой прахъ унылый, одинокой,
 Лишь вѣтръ пустынный посѣпитъ.

Гдѣ жъ вы, о смѣлая надежды жизни юной,
 Съ копорыми я шелъ во срьтенъе вѣнцовъ,
 Пѣлъ битвы, красоту, на арфѣ звонко струной
 И мнилъ по смерти жить въ преданіяхъ пѣвцовъ?

Не закипая во мнѣ восторги пѣсней;
 Отъ взора милаго не вспыхну я душой....
 О слава, жизнь, любовь, помедлите со мной:
 Въ часъ смерти вы предстали мнѣ прелест-
 нѣй!

Не жди на шумный пиръ, не жди къ себѣ, Фингалъ,

Сообщника своимъ бесѣдамъ;
 Сопрудника трудамъ, пѣвца своимъ побѣдамъ;
 Тебѣ среди шоржествъ всѣ скажутъ: сынъ твой
 палъ!

И радость замолчитъ въ душѣ, дошоль веселой;
 Унынье вкрадется въ нее;
 И взглянешь съ думою тяжелой
 На мѣсто праздное мое!

И вы, о вѣстники всѣхъ чувствъ моихъ, желаній;
 Которымъ повѣрялъ я славу громкихъ дѣлъ,
 О струны, пѣвшія великихъ въ полѣ брани,
 Простите! Вашъ пѣвецъ спяжалъ другой удѣлъ!
 Простите! Оссіанъ въ послѣдній съ вами пѣлъ!

Умолкъ.... и арфа застонала;
 Казалось, съ пѣснію душа въ нее вошла;
 Казалось, мертвая о Бардѣ посковала
 И жалость въ юношахъ невольно родила.

Спѣшилъ, рыдая, Царь Локлина
 Оковы снять съ прощенного пѣвца;
 И побѣдилъ пѣвецъ мечемъ геройство сына
 И арфой мщеніе отца.

Писаревъ.

XXI.

СВИДАНІЕ.

*Елегія.**Di meliora ferant!*

TIBULLUS.

Не тщетно возсылалъ моленья къ небесамъ,
 Не тщетно преклонялъ колѣна передъ вами:
 Вамъ былъ угоденъ мой, о боги, еиміамъ —
 И вы распроганы молодой любви слезами!
 И Церберъ милосливъ и Аргусъ усыпленъ,
 Врата ревнивыя безмолвно отворились:
 О Хлоя, о мой другъ, прерви свой легкій сонъ,
 Разсѣй мечтанія — онѣ осуществились!
 Пусть угнѣщенную печалью скрытой грудь,
 Утѣшитъ сладкое блаженства шрепетанье!
 Страшись и мыслию Зевеса упрекнушь:
 Онъ къ облегченію разлуки далъ свиданье!
 Ни вздоха прежнему, ни слова о слезахъ,
 Въ безмолвіи ночей опчаяньемъ внушенныхъ!
 Любви возвышенной чего искать въ словахъ?

И звуки ли языкъ на холмахъ возвышенныхъ,
 Гдѣ Громовержецъ Дій изъ урны роковой
 Любовь, какъ даръ небесъ на землю посылаетъ?
 Любви поняшенъ вздохъ, поняшенъ взоръ простой
 И мысль души твоей — моя душа читаетъ.
 Дай руку съ ласкою пріятливой своей:
 Печаль твою давно измѣрилъ я спраданьемъ,
 И гаснулъ рано свѣтъ моихъ весеннихъ дней;
 Но оживлялся вновь о милой воспоминаемъ.
 И можно ли грустить, о свѣтъ моихъ очей! —
 Любовь невинную въ глазахъ твоихъ читая,
 Въ глазахъ задумчивыхъ.... но ясностью своей
 Столь чистыхъ, какъ небесъ прозрачность голу-
 бая?

Но Хлоя! отъ чего моя трепещетъ грудь
 И на челѣ твоёмъ боязнь изобразилась?
 Гдѣжъ счастье любви? ея печаленъ путь,
 Когда земли она законамъ покорилась! —
 Я слышу.... Хроноса погибельный полетъ
 Разлуку скорбную намъ снова возвѣщаетъ:
 И спонетъ горлица и соловей поетъ,
 И ранній вѣтерокъ съ листочками играетъ:
 Рѣдѣетъ неба мракъ; и свѣжестъ и краса
 Дружатся радостно съ природой пробужденной;
 Но мы разлучены.... и горькая слеза
 Пріѣтствуетъ тебѣ, о Геліосъ священной! —

— й —

XXII.

РАЗГОВОРЪ СЪ О. В. БУЛГАРИНЫМЪ.

Sine ira et studio.

Не знаю, кто первый у насъ началъ облакать Полемику въ оспроумную одежду разговоровъ: Марлинскій ли, жипель ли Васильевскаго оспрова, другъ ли его жипель Петербургской спороны, Лужницкій ли Спарецъ или другой, подобный имъ великій писатель, дѣлающій честь нашему вѣку; но только не О. В. Булгаринъ. Впрочемъ издатель Сѣвернаго Архива и Липп ерапурныхъ листковъ неоднократно весьма удачно пользовался симъ важнымъ открытiемъ: разговоры Господина Булгарина съ Ванюшею, испытанiя, которыми онъ подвергаетъ сего любезнаго отрока и проч. и проч. остались и долго останутся

въ памяти всѣхъ просвѣщенныхъ любителей Россійской Словесности. — Сравниться съ нимъ не надѣюсь, не смотря на излишнюю самонадѣянность, въ которой обвиняетъ меня Господинъ Булгаринъ; повторяю (у насъ любятъ повторенія!) — сравниться съ нимъ не надѣюсь, хотя почтенный издавецъ Липперашурныхъ листковъ и чистосердечно признается, что онъ съ удовольствіемъ бы подписалъ свое имя подъ каждою изъ прехъ Анпикрипикъ, помѣщенныхъ нами въ концѣ второй части Мнемозины. — Рѣшаясь подражать Г. Булгарину и его предшественникамъ, т. е. вступитъ съ нимъ самимъ въ небольшой дружескій, Полемиическій разговоръ, отъ всей души жалью, что не могу опплатить ему за упомянутое чистосердечное его признаніе равносильнымъ и столь же чистосердечнымъ: съ моею излишнею самонадѣянностію (странное прошивурѣчіе!) сопряжена робость, иногда неодолимая; я бы боялся подписать свое имя подъ большою частию спашей Господина Булгарина! — Но дѣло не о томъ: мы начнемъ свою бесѣду. — Оадея Венедикшовича только попрошу повторить то, что онъ уже напечаталъ касательно второй части, издаваемой Кня-

земь Одоевскимъ и мною Мнемозины; самъ я осмѣлюсь, сколько умѣю опвѣчать на его возраженія.

Б. Начнемъ съ вашей статьи: о направленіи нашей Поэзіи, особенно Лирической въ послѣднее десятилітіе. — Ваше требованіе, чтобы всѣ наши Поэты сдѣлались Лириками и воспѣвали славу народную походяишь на желаніе Месмера намагнетизировать солнце, чтобы въ лучахъ онаго разлилось магнетизмъ по цѣлой вселенной.

Я. Сравненіе чрезвычайно умное и острое — но *comparaison n'est pas raison*, Ѳадей Венедиктовичъ! Гдѣ и когда требовалъ я, чтобы всѣ наши Поэты превратились въ Лириковъ? — Не въ добрый часъ вы на меня клеплете: знаю на Руси сопни двѣ, — если не при — Поэтовъ; — всѣ они великіе писатели (по крайней мѣрѣ, въ своемъ кругу); всѣ они дѣлають честь нашему вѣку (по крайней мѣрѣ, сами въ томъ твердо увѣрены): Ѳадей Венедиктовичъ, что если всѣ, всѣ они вздумаютъ быть Пиндарами? — Куда прикажете дѣться?

Я только сътую, что Элегія и Посланіе совершенно согнали съ Русскаго Парнасса Оду; въ Одѣ признаю высшій родъ Поэзіи, нежели въ Элегіи и Посланіи и доказываю свое мнѣніе, а не *толкую*, какъ по вамъ угодно было сказать на 74 стр. 15 No Литтератур. листковъ. — И такъ поставляю себѣ обязанностію вамъ объявить, что мнѣ никогда въ голову не приходило предпочесть Эпической или Драма-тической Поэзіи, — ни Одѣ, ни вообще Поэзію Лирическую, къ которой, впрочемъ — скажу мимоходомъ (ибо сіе извѣстіе, кажется, не дошло еще до вашего свѣдѣнія) принадлежитъ и Элегія, принадлежитъ иногда даже Посланіе. Благоговѣю передъ Англійскою Словесностію, вовсе не богатою Одами. Знаю также, что Генію все возможно, Элегія Гёшева: *Euphrosyne*, исполнена высокихъ Лирическихъ красотъ и мѣстами становится истинною Одою. — Въ замѣну иногда Одѣ никакъ не различишь отъ самаго хладнокровнаго, презваго Посланія: но для того, быть можетъ, нужно, чтобъ она была переведена съ Гораціева подлинника Господиномъ Борождною (*).

(*) См. 15 No Литтератур. листковъ стр. 72.

Б. Къ спашу о презвѣхъ Одахъ! —
Вы Горація назвали прозаическимъ стихо-
творителемъ!

Я. Горацію — противуположилъ я Пин-
дара, о которомъ самъ Горацій говоритъ:

„Кто покусится бороться съ Пинда-
ромъ, Юлій, дерзаетъ горъ на восковыхъ
крыліяхъ помощію Дедала! онъ достоинъ
наречь своимъ именемъ стекляное море! —
Сбѣгая съ горы, подобно потоку, который
превыше извѣстныхъ береговъ питается
дождями, огромный Пиндаръ кипитъ и
изливается въ вѣщаніяхъ высокихъ!“ (*)
Впрочемъ соглашаюсь съ вами, что мой
приговоръ Горацію, *если не подтвержу его*
доказательствами, чрезвычайно опромет-
чивъ, — скажу болѣе — смѣшонъ и безраз-
суденъ; ибо безъ сильныхъ доказательствъ
смѣшно и безразсудно возставать противу
славы писателя, освященнаго вѣковымъ

(*) Pindarum quisquis studet aemulari,
Iule, ceratis ope Daedalea
Nititur pennis, vitreo daturus
Nomina ponto.
Monte decurrens velut amnis, imbres
Quem super notas aluere ripas
Fervet, immensusque ruit profundo
Pindarus ore.

уваженіемъ. И такъ, я берусь изъ самыхъ (лучшихъ даже) Одъ Горація вывести причины, убѣждающія меня въ томъ, что онъ почти никогда не былъ Поэтомъ истинно восторженнымъ. — А какъ прикажете назвать стихотворца, когда онъ чуждъ истиннаго вдохновенія? — Но теперь вопросъ: какія Оды Горація лучшія? — Если назову одну, вы въ правѣ назвать другія: ихъ всего 87, не считая 13 Эподовъ и Гимна Аполлону и Діанѣ (объ Сапирахъ и Посланияхъ и говоришь нечего!) Нашъ споръ не скоро бы кончился. — Разговаривая съ вами въ самомъ дѣлѣ, я бы васъ попросилъ указать мнѣ на нѣ Оды, которыя вы считаете лучшими и тотчасъ приступилъ бы къ ихъ разбору. — Но разговоръ нашъ только и единственно остроумная выдумка для большаго увеселенія (*) почтенной Публики и выдумка сверхъ того не очень новая. — Слушайте же: не смотря на свою самонадѣянность, чистосердечно и всенародно признаюсь, что у меня нѣтъ ни малѣйшей способности къ сочиненію тѣхъ легкихъ, но пріятныхъ, занимательныхъ

(*) Что если для большей тоски и скуки? Увы! С.

бездѣлокѣ (не извиняюсь въ семъ выраже-
ніи, ибо увѣренъ, что и вы ихъ ни чѣмъ
инымъ не считаете;) бездѣлокѣ, въ родѣ
пѣхъ, которыми во Франціи, а еще болѣе
въ Россіи Жуи приобрѣлъ извѣстность. —
Вашу Эфемериду: *Фасонѣ* или *Модная лавка*,
читалъ я въ Полярной Звѣздѣ съ непри-
творнымъ удовольствіемъ. — Сердечно бы
я обрадовался всякой подобной вашей
статьѣ: милую Петербургскую госпо-
дина Мнемозина приняла бы, какъ радуш-
ная Москвичка — съ благодарностію. — А
я (чѣмъ богачѣ, тѣмъ и радъ!) сообщилъ
бы вамъ для Литтературныхъ Листковъ
или для Сѣвернаго Архива статью о Гора-
ціѣ, при разборѣ Оды, которыя вы мнѣ
сами назначите. — Какъ вы объ этомъ ду-
маете?

Б. Вы назвали *Виргиліа* — ученикомъ!

Я. Точно такъ; да только чѣмъ? —
Гомеровымъ. — Сдѣлайте одолженіе, по-
чтенный Ѳадей Венедиктовичъ, не хвали-
тесь своею дипломатическою почностію (*)
при выпискахъ изъ Мнемонины, когда въ
столь важномъ случаѣ вы умалчиваете объ
имени Гомера, чѣмъ ученикомъ, безъ со-

(*) Къ хвалился Г. Булгаринъ, переписывая въ
№ 5 Литтератур. Листковъ заглавіе Мнемо-

мнѣнія; былъ Виргилій, хопя онъ и великій человекъ (въ испинномъ значеніи сего слова), хопя онъ Царь Лапинскихъ стихотворцевъ.

Б. Шиллера вы назвали недозрѣвшимъ.

Я. Шиллеромъ! — и во всей Германской Словесности предпочелъ ему одного Гёте! — все ешо между прочимъ показывается, что у насъ различное мѣрило величія. — Но Шиллеръ не ежедневное явленіе въ міръ Словесности: живо чувствую, что я долженъ изложить причины, заставившія меня его назвать недозрѣвшимъ. Возмите же терпѣніе, почтенный О. В., выслушайте меня!

Какіе недоспапки сопряжены съ Авторскими дарованіями, недоспигшими еще зрѣлости? — Вкусъ незрѣлыхъ плодовъ

зины слѣдующимъ образомъ: Мнемозина Собраніе Сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаваемая Кн. Вл. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ. Не смотря на сіе Г. Булгаринъ иногда счастливо замѣняетъ запятыя точками. — Не у Господина ли Воейкова перенялъ онъ ешо искусство? — Но Господинъ Воейковъ по крайней мѣрѣ, не хвалится своею дипломатическою точностію! Ѳадей Венедиктовичъ, къ чему такая *fides pupica*? — Впрочемъ вы не ограничиваетесь одними знаками препинанія! С.

ѣдокъ : Теоріи подобныхъ имъ писателей исполнены рѣзкихъ предразсудковъ и рѣзкой односторонности ; произведенія же изображаютъ, по большой части, ихъ личный образъ мыслей , ихъ собственный характеръ, ихъ собственные, слишкомъ еще пылкія страсти.—По сему-то въ Драмѣ они столь рѣдко могутъ присвоить себѣ лице представляемаго ими героя. — Кислопа ихъ винограда еще не послащена ни постояннымъ дѣйствіемъ божественнаго солнца , ни кропкою влажностію осенняго воздуха , т. е. ихъ буйное Я еще не побѣждено вліяніемъ вдохновенія, часто возвращающагося и опытносцію, уравнивающею душевныя спихіи. Ибо соки плода находятся въ непрерывномъ броженіи до самаго достиженія зрѣлости : а въ незрѣвшемъ писателѣ нѣтъ того спокойствія и равновѣсія силъ и дарованій, которыя столь необходимы совершенному художнику.—Неспѣлые плоды зелены; ихъ изъ дали не различишь отъ листьевъ : незрѣвшій писатель можетъ принести честь своему времени и своему народу; но онъ сливается съ ними , исчезаетъ въ нихъ и съ ними. — Спѣлое только яблоко сіяетъ багрянцемъ изъ среды дерева : зрѣлый только умъ, не-

переславая бытъ ревностнымъ сыномъ Опечеспва, истиннымъ сыномъ своего вѣка, — возвышается надъ заблужденіями своихъ современниковъ и ближнихъ; онъ Англичанинъ, Нѣмецъ, Русской, но вмѣстѣ гражданинъ всѣхъ временъ, дитя всѣхъ столѣтій. — Наконецъ сѣмя зрѣлаго только плода произросшииъ другое плодоносное дерево; возмужалый только Геній въ состояніи преобразитъ свой вѣкъ и спрану свою; онъ только родитъ и въ другихъ народахъ Геніевъ, своихъ учениковъ, но не рабскихъ подражателей.

Возвратимся къ Шиллеру.

Шиллерова Поэтика не безъ предразсудковъ; предубѣжденія его прошиву великихъ Французскихъ Трагиковъ извѣсны, извѣсны, надѣюсь и вамъ, Г. Издатель Сѣвернаго Архива, вамъ, человѣку, довольно знакомому съ Нѣмецкою Словесностію.

Драматургъ Шиллеръ въ младшемъ Графѣ Морѣ, въ Дон-Карлосѣ и Маркизѣ де Поза, въ Максѣ, въ лицахъ, которыя изобразилъ съ самою большею родишельскою (сочинительскою) нѣжностію (сop amore) представляешь себя, одного себя, только по чувствамъ и образу мыслей, бывшимъ его

собственными въ разныхъ эпохахъ его жизни.

Шиллеръ перескакивалъ отъ Поэзіи къ Исторіи, отъ Исторіи къ Поэзіи, отъ Трагедіи Шекспировой къ Дидероповой Драмѣ и Гоццеевымъ маскамъ, отъ прозы къ стихамъ и наконецъ отъ новѣйшихъ къ древнимъ, — не съ внутреннимъ сознаніемъ собственныхъ силъ—спяжаніемъ мужа, но съ безпокойствомъ юноши. Въ доказательство приведу только его *Тридцатилѣтнюю Войну и Освобожденіе Нидерландовъ*, исполненныя блесковъ, прошивуположностей, витивагощи, вовсе не историческихъ; — его *Марію Стюартъ*, которая не есть ни Исторія, ни Трагедія; его *Коварство и Любовь*, гдѣ Шекспиръ и Дидеротъ, ужасъ и проза, ходули и низосъ нерѣдко встрѣчающся на одной и той же страницѣ; риторическія пирады, гдѣ ожидаешь Поэзіи сердца, пирады, которыя иногда попадаются даже въ Валленштейнѣ, въ лучшемъ Шиллеровомъ твореніи; наконецъ его *Мессинскую невѣсту*, въ которой онъ вдругъ Юкасту Еврипидову, хоръ и роковое предопредѣленіе Грековъ переноситъ въ средніе вѣки, въ лоно Христовой церкви въ Сицилію, покорную Сѣвернымъ

завоевателямъ. — Шиллеръ почти никогда не перестаетъ быть Европейцемъ, Нѣмцемъ XVIII столѣтія; а, если гдѣ и подражаетъ древнимъ, — то не у мѣста и не къ спати: Кассандра (*) его живая Нѣмка. Въ такъ называемыхъ балладахъ: *Ивиковы Журавли* (**), *Поручка*, *Кольцо Поликратово*, *Торжество* (das Siegesfest), въ переводѣ 2 и 4 пѣсни Энеиды, — онъ заставляеиъ Музу древней Эллады и Авзоніи распѣвать Оптавы-римы, Спансы и Куплешы на Италинскую спать, а сверхъ того, красси Греческой мѣстности и нравовъ Греческихъ разводитъ Сѣверною водою, многословіемъ и въ первыхъ чешы-рехъ описаніями, едва ли не Делиевскими. Въ *Колоколѣ* (die Glocke, твореніи, — скажемъ мимоходомъ — изобилующемъ превосходными стихами; но рожденномъ не вдохновеніемъ, а подобно мозаикѣ, по прозаическому предначертанію слѣпленномъ изъ часпей совершенно разнородныхъ) въ Колоколѣ напрошивъ Князь Тѣней, Айдесь Грековъ являеися съ пѣмъ, чпобъ похи-

(*) Переведена Жуковскимъ.

(**) Также переведены Жуковскимъ.

питъ съ земли Нѣмецкую мѣщанку (*). Далѣе въ Дон-Карлосѣ характеры: Филиппа, Позы и Карлоса составлены по Нѣмецкому же образцу; они никогда не могли существовать ни на престолѣ, ни близъ онаго, а еще менѣе подъ небомъ полуденнымъ. — Иоанна д'Аркъ въ концѣ претѣяго и въ началѣ четвертаго дѣйствія своею невозможною и непоэтическою любовью къ Лионелю возмутило всякаго просвѣщеннаго чина. Въ Лирическихъ стихотвореніяхъ Шиллера господствуетъ одна мысль или, лучше сказать, одно чувство — предпочтеніе духовнаго (идеальнаго) міра существенному, земному: чувство безъ сомнѣнія высокое, испинно Лирическое; но имъ ли однимъ должна ограничиться Поэзія? — одностороннее, не показываетъ ли оно теорію одностороннюю же? — Сіе чувство лѣтъ десять повторається во всѣхъ почти произведеніяхъ Русскаго Парнасса писателями, отголосками Жуковскаго, Шиллерова отголоска: но, какъ возмужалый только

(*) Ach! die Gattin ist's, die Theure!

Ach! es ist die treue Mutter,

Die der schwarze Fürst der Schatten

Wegführt aus dem Arm des Gatten!

— — — — —

Denn sie wohnt im Schattenlande! и проч.

Геній можетъ имѣть учениковъ, соспязующихся съ нимъ, а не рабски ему подражающихъ; вы мнѣ позволите, Милостивый Государь, усомниться въ истинномъ достоинствѣ и прочномъ безсмертіи сей Германо-Русской школы.

Конечно Шиллеръ усовершенствовался бы и созрѣлъ, если бы жизнь его продолжалась долѣе: *Валленштейнъ* и *Вильгельмъ Тель* уже являютъ мощнаго, счастливаго соперника Шекспирова, соперника, который, можетъ быть, возсѣлъ бы рядомъ съ симъ единодержавнымъ властителемъ Романтической Мельпомены. — *Валленштейновъ* станъ въ своемъ родѣ произведеніе образцовое и уже не являетъ ни одною изъ вышеупомянутыхъ недостатковъ; но къ несчастію одна ласточка безъ подругъ своихъ только предвѣщаетъ, а не составляетъ еще весны.

И пакъ, почтенный и любезный О. В. сами рѣшите, правъ ли я или не правъ, когда называю Шиллера несозрѣвшимъ, противопоставляя ему Гёте?

Гёте во 1-хъ не имѣетъ Шиллеровыхъ предразсудковъ: ибо, рассуждая съ Французами и о Французахъ (какъ шо: въ

своихъ опмѣткахъ о Французскихъ Клас-
сикахъ, въ разборъ Дидеротова сочиненія
о Живописи, въ примѣчаніяхъ къ изданной
и переведенной имъ книгѣ Дидерота—*Пле-
мянникъ Рамо*) — не помнишь, что онъ Нѣ-
мецъ, стараешься познакомиться, поми-
ришься съ образомъ мыслей Французовъ,
сихъ природныхъ своихъ противниковъ,
проникнуть во всѣ причины, заставляющія
ихъ думать такъ, а не иначе.

Во 2-хъ, онъ всегда забываетъ себя, а
живетъ и дышетъ въ однихъ своихъ геро-
яхъ. Въ чемъ можешь убѣдить каждого его
Гёцъ, Тассъ, Фаустъ и даже Вертеръ.

Въ 3-хъ. Онъ всегда знаетъ, чего ищетъ,
къ чему стремится.

Въ 4-хъ. Съ дивною легкостію Гёте
переносится изъ вѣка въ вѣкъ, изъ одной
части свѣта въ другую. — Въ *Фаустѣ* и
Гёцѣ онъ ударомъ волшебнаго жезла воскре-
шаетъ XV вѣкъ и Германію Императоровъ
Сигисмунда и Максимилиана; въ *Германѣ* и
Доротеѣ, въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ* мы ви-
димъ нашихъ современниковъ и современ-
никовъ опцевъ нашихъ, Нѣмцевъ споль-
мій XIX и XVIII всѣхъ возрастовъ, званій
и сословій; въ *Римскихъ Элегіяхъ*, въ *Ве-
неціанскихъ Эпиграммахъ*, въ душевыхъ ош-

мѣшкахъ объ Италіи встрѣчаемъ попеременно современника Тибуллова, товарища Рафаэля и Беневута Челлини, умнаго Нѣмецкаго ученаго и наблюдателя; въ *Ифигеніи* онъ Грекъ; древній Тевпонъ въ *Вальпургеивой Ночи*; поклонникъ Браммы и Маоде въ *Баядерѣ*; въ *Диванѣ*, сколько возможно Европейцу, никогда не бывавшему въ Азіи—Персіянинъ.

Б. Байронъ — по вашему мнѣнію — однообразенъ!

Н. Когда благороднѣйшія сердца и лучшіе умы всей Европы скорбятъ о преждевременной смерти сего великаго мужа, — мнѣ, признаюсь, больно — казаться его противникомъ! — Если бы подозрѣвалъ, что его блистательное поприще кончится такъ скоро, — я воздержался бы отъ сужденія о немъ, справедливаго, но неумѣстнаго среди общей печали. Но къ несчастію, сказанное сказано. Такъ! Байронъ однообразенъ и доказать сіе однообразіе не трудно. — Онъ живописецъ нравственныхъ ужасовъ, опустошенныхъ душъ и сердецъ раздавленных: живописецъ душевнаго ада; наслѣдникъ Данта, живописца ада вещественнаго. — И потъ и другой однообразны: *гистилице* Даншова слабое повтореніе его

Тартара; Гяуръ, Кёрсеръ, Лара, Манфредъ, Чайльдъ-Гарольдъ Байрона — повторенія одного и того же спрашнаго лица, опъемлющаго своимъ присушсвѣемъ дыханіе, — убивающаго и соспраданіе и скорбь, обливающаго зрителя стужею ужаса. — Но непоимѣрна глубина мрака, въ который сходится Байронъ безпрепечный, неуспрашимый! Не смѣю уравнишь его Шекспиру, знавшему все: и адъ и рай, и небо и землю — Шекспиру, который одинъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ воздвигся равный Гомеру, который подобно Гомеру есть вселенная картинъ, чувствъ, мыслей и знаній, неизчерпаемо глубока и до безконечности разнообразна, мощна и нѣжна, силенъ и сладостенъ, грозенъ и пленителенъ! — Не уравнию Байрона Шекспиру: но Байронъ объ руку съ Эсхиломъ, Дантомъ, Мильпономъ, Державинымъ, Шиллеромъ — и прибавлю, съ Тиртеемъ, Семистокломъ и Леонидомъ перейдетъ, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшее потомство.

Б. Повѣрятъ ли вамъ чисташели въ означеніи степени дарованій Поэтовъ, когда вы поставляете Барона Дельвига выше Жуковскаго, Пушкина и Батюшкова, сихъ

великихъ писателей , дѣлающихъ честь нашему вѣку?

Я. И въ правѣ бы были не повѣрить , если бы я въ самомъ дѣлѣ вздумалъ отдавъ Дельвигу преимущество передъ Пушкинымъ и даже Жуковскимъ: но къ несчастію, это (какъ и многое другое) только вамъ привидѣлось! — Впрочемъ, О. В., не намъ съ вами составлять Парнасскую табель о рангахъ! Скажу вамъ только, что великій писатель, дѣлающій честь своему вѣку — великое слово! Пушкинъ безъ сомнѣнія превосходитъ большую часть Русскихъ, современныхъ ему стихотворцевъ: но между Лилипушами не мудрено казаться великаномъ! — Онъ, я увѣренъ, не захочетъ симъ ограничиться. — Барона Дельвига ему ни чуть не предпочитаю: первый Дельвигъ отклонилъ бы отъ себя такое предпочтеніе, ибо лучше насъ знаетъ, что, написавъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ можно получить довольно вѣрное понятіе о древней Элегіи, еще не получаешь права стоять выше творца *Руслана и Людмилы*, Романтической Поэмы, въ которой, при всѣхъ ея недостаткахъ, болѣе творческаго воображенія, нежели во всей остальной, современной Русской Словесности; творца

Кав
сла
нѣко
юща
тен
Бах
ческ
Пуш
наде

рап
спви
дово
хож
мѣр
жим
луч
вы
если
,,Кю
Пуш

дли
влож
жеп
необ
уже
тур
Груз

Кавказскаго плѣнника, написаннаго самыми сладосными стихами, представляющаго нѣкопорыя превосходныя описанія, вливающаго въ душу — особенно при первоначалѣ — живое сѣшование; наконецъ творца *Бахтисарайскаго фонтана*, коего Драмматическое начало свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ шагнулъ впередъ и не обманетъ надеждъ истинныхъ друзей своихъ!

Вашъ Сѣверный Архивъ, ваши Литтературные листки читаю иногда съ удовольствіемъ: въ нихъ довольно занимательнаго, довольно даже полезнаго, иногда нѣчто похожее на желаніе быть или, по крайней мѣрѣ, казаться безпристрастнымъ; положимъ, что я вздумалъ бы назвать васъ лучшимъ Русскимъ Журналистомъ:—чтобы вы сами сказали, Милоспивый Государь, если бы изъ того кто вывелъ заключеніе: „Кюхельбекеръ ставитъ Булгарина выше Пушкина и Жуковскаго?“

— Прервемъ однакоже, нашъ довольно длинный разговоръ, въ которомъ, опасаясь, вложивъ, вамъ въ уста то, чего вы, можете быть, не признали бы своимъ, по необходимости заставляю васъ повторять уже извѣстное Гг. Читателямъ Литтературныхъ Листковъ.—Въ мою бытность въ Грузіи я знавалъ нѣкопорого молодого че-

ловѣка, избавлявшаго своихъ собесѣдниковъ
отъ труда распорять ротъ при моноло-
гахъ, которые произносилъ въ ихъ присут-
ствіи: ибо сей любезный юноша, принадле-
жащій между прочимъ также къ нашимъ
премъ спамъ великимъ Поэтамъ, дѣлаю-
щимъ честь своему вѣку, — обыкновенно
вспупалъ въ споръ съ своимъ безмолвнымъ
слушашелемъ, вопъ какимъ образомъ: „Я
упроверждаю,“ говорилъ онъ на пр. „что
снѣгъ бѣлъ; вы, можете быть, скажете,
что онъ черенъ; но я, чтобы опровергнувъ
ваше мнѣніе приведу вамъ слѣдующія дока-
зательства; — — —“ потомъ слѣдовали
сіи доказательства—неоспоримыя! потомъ
опять возраженія со спороны несчастнаго
его поварища, и не думающаго возражать;
потомъ снова доказательства и снова
возраженія и епо до безконечности!
Таковъ былъ сей незабвенный мой Тиф-
лійскій знакомецъ! — Боюсь подражать ему!
И такъ въ заключеніе только поблагодарю
васъ, что вы находите мое стихотвореніе:
Проклятіе—спрашнымъ; оно и должно быть
спрашнымъ! — Но вы полагаете, что оно
*похищено изъ храма Эменидѣ и поставлено
въ вертоградъ Словесности для пуганія кор-
шунѣ, угрожающихъ разцвѣтающимъ Поэ-
тамъ.* — Кто сіи коршуны? — Не невѣжды
ли, двуличныя, злонамѣренныя Крипики? —
Если вы ихъ разумѣли подъ симъ словомъ,—

вы ошиблись, почтенный Оадей Венедиктовичъ! На нихъ я никогда не вооружусь проклятіемъ, — развѣ, развѣ насильскою!

За сии я имѣю честь пребыть вашимъ покорнымъ слугою.

Кюхельбекеръ.

XXXIII.

Прибавленіе къ предыдущему Разговору, или Замѣчанія на спѣшью, напечатанную въ No 38 Сына Опечеспва, подъ названіемъ: *Журнальныя статьи*.

Хорошо тому на свѣтѣ жить ,
У кого ужъ нѣтъ стыда въ глазахъ.

Стихи изъ новаго Водевиля:

Литературные Торгаши (*).

Прочитавши Крипику на II-ю часть Мнемозины, помѣщенную вами, почтенный Ѳадей Венедиктовичъ, въ 15 No *Литературныхъ* листковъ, я хотѣлъ было сперва поблагодарить васъ за лестный вашъ обо мнѣ отзывъ (который принимаю за учтивость) и вообще за ваши замѣчанія на Мнемозину, которыми, увѣряю васъ, дорожу болѣе, нежели всѣми возможными толкованіями Судей-самозванцевъ; потомъ хотѣлъ побесѣдовать съ вами о различныхъ предметахъ; какъ по :

Попросить васъ назначить мнѣ именно годъ, въ которомъ можно и должно начи-

(*) Сей Водевилъ скоро выйдетъ въ свѣтъ.

нашъ писать Романы (*); даже — составить Календарикъ въ пользу подвизающихся на поприщѣ Словесности съ подробнымъ означеніемъ, на которомъ году жизни позволяется кропать Поемы, сшивать Журналь, или выдумывать Загадки и Логогрифы. Такой Календарикъ былъ бы драгоценнымъ сокровищемъ для насъ молодыхъ людей, по своей неопытности не могущихъ поспѣгнуть сей высокой тайны.

Далѣе хотѣлъ я васъ увѣдомить, что въ моихъ *Афоризмахъ* не вводилъ словъ новыхъ, но употреблялъ выраженія уже употребленныя и употребляемыя людьми (которымъ позвольте, сдѣлайте милость, вѣрить больше, нежели Журнальнымъ приговорамъ) каковы: Велланскій, въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, Г. Галичъ — въ *Исторіи Философскихъ Системъ*; наконецъ употребленныя въ снѣдкахъ весьма замѣ-

(*) См. 15 Но Липер. Листковъ — Разборъ II части Мнемозины, гдѣ насъ увѣряютъ, что должно дожидаться какого-то опредѣленнаго срока для писанія Романовъ. Я знаю — О. В. вздумаетъ опдѣлаться шуткою: скажетъ, что доказательствомъ его мнѣнія можетъ служить Елладій и проч., но это не то О. В.!

чашельныхъ (хотя и Журнальныхъ) помещенныхъ въ Вѣспникъ Европы 1822 года (*); наконецъ употреблялъ слова, понятныя всѣмъ людямъ, занимающимся философскими науками; для тѣхъ же, которые слово *Философія* причисляютъ къ Натуральной Исторіи—для тѣхъ —, могу васъ увѣришь,—я не писалъ своихъ Афоризмовъ; ибо такіе люди напоминаютъ мнѣ Ванюшу (**), сына моего приятеля, который, едва зная Ариѳметику, удивляется, что не понимаетъ Дифференціальнаго Исчисленія, и называетъ его бредомъ; но за это Ванюшу сѣкутъ розгами: *Avis aux lecteurs!*

Сверхъ того, обо многомъ хотѣлось мнѣ поговорить съ вами, почтенный О. В.; ибо душою люблю васъ; но едва принялся я за перо, какъ вдругъ получаю No 38 Сына

(*) Таковы: *Разборъ Варнеева сочиненія Бонстеттена* (ч. 3. стр. 54); *Афоризмы изъ Нравственнаго Любоумія* (ч. 3. стр. 207); *Разборъ сочиненія Сольгера: Ервинъ* (ч. 4. стр. 3) и проч.

(**) Только не вашего почтенный О. В. Хотя и мой годился бы въ учителя многимъ изъ нашихъ Журналистовъ, не смотря на ихъ взаимныя похвалы своей учености. С.

Опечеслва; развертываю, читаю спашью,
подъ названіемъ: *Журнальныя Статьи* — и
перо выпадаетъ изъ рукъ.

Прежде я думалъ, что еша спашья —
продолженіе извѣстія о подпискѣ на *Сынъ
Отечества* и проч., помѣщенного въ 37 Но.
(Насмѣшники подтверждаютъ мое мнѣніе) —
но что же? сморю — *нѣкто невѣдомый*
Калужанинъ обращаетъ въ смѣхъ написан-
ную похвалу Мнемозинѣ почтеннымъ изда-
телемъ *Благонамѣреннаго* и съ сиссемапи-
ческимъ, расчепливымъ, истинно мерка-
пильнымъ равнодушіемъ объявляетъ, что
въ Москвѣ выходитъ какое-то неизвѣстное,
посредственное изданіе, подѣ названіемъ
Мнемозины.

Мы положили себѣ за правило на бла-
гонамѣренную Крипику отвѣчать благо-
дарностію; на достойную презрѣнія — по-
чти молчаніемъ. Но что скажешь человѣку,
который не разбирая Изданія, съ припвор-
нымъ видомъ безпристрастія объявляетъ
о немъ невыгодно, и не беретъ на себя
труда подкрѣплять слова свои доказатель-
ствами? — Сочинитель спашьи расчелъ по
коммерческой Бухгалтеріи, или по правилу
товарищества, что такой поверхност-
ный отзывъ удачнѣе самаго подробнаго и

и несправедливаго Разбора, можетъ произ-
вести худое мнѣніе о книгѣ — въ не-
читавшемъ ее; ибо какъ не повѣритъ че-
ловѣку, говорящему, по видимому, съ та-
кимъ хладнокровіемъ и припомъ въ Калугѣ?

Мы не дорожимъ его мнѣніемъ ни
въ какомъ отношеніи; ибо (къ досадѣ
Липерашурныхъ Торгашей) имѣемъ до-
вольное число подписчиковъ, а лестные
о насъ отзывы въ разныхъ Журналахъ упѣ-
шаютъ въ немилоспни неизвѣстнаго Кор-
респондента Сына Опечеслива; если даже
упоминаю о немъ, то единспвенно для того,
чтобы люди, вѣрящіе всему печатному ви-
дѣли, какую довѣренность можно имѣть
къ недѣльнымъ приговорамъ; Русскіе чита-
тели не достигли еще въ образованности
равной степени съ читателями другихъ
просвѣщенныхъ Государствъ, гдѣ—, и далеко
непохожимъ на наши, — Журнальнымъ объ-
явленіямъ довѣряютъ несовершенно, а
справляющся съ собственнымъ, независи-
мымъ мнѣніемъ.

Вы, почтенный О. В., называли мои
полемиическія статьи, помѣщенные въ Мне-
мозинѣ, справедливыми, пріятными, весе-
лыми и говорили, что съ удовольствіемъ
подписали бы свое имя подъ каждою

изъ нихъ (*). Благодарю за милость; но теперь, признаюсь вамъ, — веселость моя пришла, какъ говорится, въ шупикъ и потому обращаюсь къ вамъ съ просьбою: научите меня какъ опивчаться на такой опзывъ Калужанина.

Насмѣшники скажутъ: „молчать и согласиться.“ Воля ваша не лъзя, опложа всякое самолюбіе; ибо рѣшительно сказать можно, что даже самое дурное изданіе — не можетъ быть *посредственнымъ* или *нехорошимъ* между нашими Журналами; и если *Мнемозина* есть *посредственное* изданіе, то что же тогда будетъ *Сынъ Отечества*? — Правда, иной удивится такому вопросу, читая въ семъ Журналѣ, похвалы *Сыну* же *Отечества*; но перестанемъ на время размѣниваться похвалами какъ Рабеновы Грапуланшы, и будемъ безпристрастны: когда смотришь на наши Журналы (не исключая и Литературныхъ Листковъ вашихъ *О. В.*) (**), кажется, что они выдаются лѣтъ за 200 тому назадъ: кромѣ немногихъ стапей (и то въ одномъ *Вѣспникѣ* Ев-

(*) См. 15 Но Литератур. Листковъ, стр. 81.

(**) Хотя они все таки имѣютъ болѣе, нежели другіе Журналы, которіе Европейскій. С.

ропы (*) 1822 года) они наполняются произведеніями, или только пріятными по слогу, или въ полномъ смыслѣ ученическими; спародавными мыслями, уже давно забытыми въ другихъ образованныхъ земляхъ, какъ на пр. въ Германіи, — тамъ уже сдѣлавшимися добычею Антикваріевъ, у насъ выдаваемыми за новосель; иѣсть и помину о новыхъ современныхъ открытіяхъ въ области духа человѣческаго; заблужденія давно уничтоженныя, вѣлые предразсудки, скудость познаній, кругъ мыслей сжатый — вотъ что составляетъ жизнь нашихъ Журналовъ. Если хотя одинъ изъ нихъ, похожій не говорю уже на Изданія, каковы: *Zfis* — Окена, *Kritisches Journal der Philosophie* — Шеллинга и Гегеля, *Allgemeine Zeitschrift* — Шеллинга, его же *Jahrbuch der Medicin*, его же *Neues Zeitschrift für Speculative Physik*; *Allgemeines Repertorium*, *Revue Encyclopedique*, — даже каковы: *Morgenblatt*, или *besata*? —

(*) Который не смотря на всѣ толкованія, все остается лучшимъ Журналомъ *Русскимъ*; и дѣльностью котораго мы обязаны познаніямъ педерешняго Редактора, далеко превосходящимъ наслышную образованность нашихъ Журнальныхъ выпязей. С.

Если хотя одинъ изъ нашихъ Журналовъ, похожій просто на Европейскій Журналь, издающійся въ XIX столѣтїи? — Между нашими ли Журналами, повпоряю, можетъ быть какое либо Изданіе — посредствомъ — если бы оно опличалось только одною новостію мыслей? (*)

Правда — такое изданіе сначала найдеть мало защитниковъ, такъ на прим. я почти увѣренъ, что предполагаемый Г-мъ Полевымъ Европейскій Журналь, въ родъ Allgemeines Repertorium встрѣшитъ много и много себѣ пропивниковъ (**). Но что до ешаго? Писатели должны возвышались

(*) Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что Вы сами почтенный О. В. за мѣсяць тому назадъ въ первый разъ осмѣлились сказать, что съ Мильвуа и Лагарпомъ не далеко уйдешь — и то послѣ моего замѣчанія на Репорику Г. Мерзлякова (въ I части Мнем.) и Кюхельбекеровой Статьи о направленіи нашей Поезіи (во II-й части Мнем.)

(**) Замѣчательно, что въ статѣ: *Журнальные Статьи* нападаютъ не только на всѣхъ Журналистовъ, кромѣ Издателей Сына Отеч. и Сѣвер. Арх., но и на тѣхъ, про которыхъ извѣстно, что намѣрены быть Журналистами, какъ и пр. на Г. Полеваго. Какая предусмотрительность! Vive le Commerce! С,

надъ понятіями своего вѣка; они — цвѣтъ народный; не имъ, подобно корнямъ, во мглѣ пресмыкашся. Скажу здѣсь мимоходомъ, какъ человѣкъ, чуждый всякаго лицепріятія, что отъ васъ, Г. Булгаринъ, образованные чипашели ожидали и ожидаютъ чего-то большаго, нежели разнѣна похва-лами: оставьте ето средство шѣмъ, ко-рыхъ Литературное поприще ограни-вается — исправною коррекпурою, или изданіемъ сшитыхъ лоскушковъ, подъ на-званіемъ Учебныхъ Книгъ Словесности.

При васъ ли ето писано Г. Кореспон-дентъ Сына Опечества, Г. Сочинитель ученой спашьи: *Журнальныя статьи?* Диф-ференціальное счисленіе не почищаете ли *разлитительнымъ камешкомъ* (*)? Названія мною высказанные Нѣмецкихъ Журналовъ не почищаете ли за individua изъ Нату-ральной Истории? по крайней мѣрѣ, увѣ-ренъ, что онѣ кажутся таковыми многимъ

(*) Такъ переводитъ Дифференціальное исчисле-ніе Переводчикъ Генцкеніевой Истории Фило-софіи. См. Ф. Генцкенія *Исторія Филосо-фическая*, изд. Рубаномъ въ С. П. Б. 1781 — стр. 239.

изъ нашихъ Журналистовъ. *Угитъся бы угитъся!* говорилъ одинъ мой знакомый своему задорному Кришику. Если вы Г. Корреспондентъ знаете какую нибудь иностранную грамошу, въ чемъ (какъ равно и въ знаніи Русской) сомнѣваюсь, то прочтите упомянутыя мною Изданія и тогда — уже воскурятъ еиміамъ предъ избранными опъ васъ Журналами, а мнѣ —, вмѣстѣ съ почтенными защитниками Мнемозины, — позвольте думать, что Изданіе, гдѣ помѣщающіяся сужденія, которыя —, смѣло можно сказать, — опъ роду въ голову не приходили нашимъ Журналистамъ, читающимъ одного Бапше и Лагарпа, пишущимъ Учебныя книги, въ коихъ, повшоряю, сполько же связи, сколько между спашьями ихъ Журналовъ — что такое Изданіе совершенно дурнобытъ не можетъ.

Вспупитесь за насъ, почтенный О. В.! Въдъ вамъ надобно же поддерживать свое мнѣніе! — я на васъ швердо надѣюсь и болѣе пошому, что вы сами не захотѣли помѣститъ въ Литературныхъ Листкахъ вашихъ — шого мѣста изъ *Журнальныхъ Статей*, гдѣ хвалятъ васъ, а насъ бранятъ (что изъ ешаго досаднѣе — не знаю). И дѣло вы сдѣлали почтенный О. В.! Спашья

еще самая предательская! суцая Епиграмма на наши Журналы, а особливо на Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Литературные Листки! Хотя совсѣмъ шѣмъ замѣтна въ ней возвышенная почка зрѣнія Сочинителя: съ какимъ сильнымъ, убѣдительнымъ раснорѣчіемъ доказываетъ онъ, что Г. Булгаринъ лучше описываетъ мужскіе жилеты, нежели Изд. Дам. Жур. и что онъ (Изд. Литер. Лист.) рассказываетъ вамъ о селѣ кратко, пріятно и мило! (*) Повторяю: дѣло вы сдѣлали О. В. что не помѣстили у себя всей епой Спашьи! Суцая Епиграмма!

Теперь предчувствую судьбу мою: найдутся люди, которые скажутъ, что меня прогнѣвило слово *посредственный*; — буду въ увѣрять, будто бы я доказываю, что *Мнемозина* — превосходнѣйшее Изданіе въ свѣтѣ; — другіе — что я, выпавивши названія Нѣмецкихъ Журналовъ, хотѣлъ блеснуть, ученостію, заспавящъ меня говорю то, чего я и не думалъ — — но что мнѣ до ешихъ полковъ? — Почтенный О. В. за насъ вступился.

О д е с с к.

(*) См. 38 Но Сына Отечества.

XXIV.

СМЕРТЬ БАЙРОНА.

Уже съ давняго времени Предисловія не читаются, развѣ при книгахъ Антикваріевъ; — Сочинители были опъ того въ величайшемъ запрудненіи, ибо часто имъ встрѣчалось писать о вещахъ, извѣстныхъ не всѣмъ Читателямъ и слѣдственно пребующихъ поясненія. Для опвращенія такой бѣды Предисловія обратились въ выноски внизу страницы; но сіи выноски, полезныя, даже необходимыя въ сочиненіи ученомъ, — во все неудобны въ произведеніяхъ стихотворныхъ, ибо совершенно развлекають вниманіе, и нѣкоторымъ образомъ уничтожаютъ ту быстроту и живость чувства, которыя составляютъ одно изъ необходимыхъ условій всякаго Стихотворенія.

По сей причинѣ мы въ настоящемъ случаѣ вынуждаемся объявить тѣмъ изъ нашихъ Читателей, которымъ Поетъ Байронъ извѣстенъ только по слуху, что ви-

дѣній, возвѣщающія Пѣвцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть олицетворенныя произведенія послѣдняго, каковы: Дантъ (см. Пророчество Данта), Гяуръ, Манфредъ, Тассъ (см. сѣшванія Тасса), Мазепа.

Спихи :

Главу свою находить Дожъ,
Безсмертную и въ гробномъ прахѣ —

также требуютъ поясненія: предметъ Байроновой Трагедіи: *Дожъ*, почерпнутъ изъ Истории Венеціи среднихъ вѣковъ. Фалиери, Дожъ сей Республики, 80 лѣтній спарець, оказавъ важнѣйшія услуги своему отечеству обиженъ молодымъ Паприціемъ въ лицѣ своей прекрасной супруги; пребуеъ опъ Сенапа наказанія наглаго юноши; не получаетъ его, вступаеъ въ заговоръ, составленный нѣкоторыми людьми низкаго званія противъ Вельможъ и Верховнаго Совѣща; — сей заговоръ открытъ, а Дожъ приговоренъ къ смерти и обезглавленъ.

Вспылаъ далекій Минаретъ;
Иманъ, надъ прахомъ возвышенной
Трикратъ провозгласилъ вселенной:
Богъ только Богъ — инаго нѣтъ! —

Въ Арабскомъ шекстѣ: *нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магомедъ Пророкъ Его* — обыкно-

венный зовъ на вечернюю молитву Мусульманъ.

Змѣятся быстрыя зарницы,
Бѣгутъ — и вдругъ завѣсу тьмы
Срываютъ съ мраморной чалмы
Съ объятной розами гробницы;
И соловей, любовникъ розъ
Вспорхнулъ, слетѣлъ съ надгробныхъ лозъ.

На Мусульманскихъ гробницахъ обыкновенно находятся каменные чалмы, а кладбища всегда обсажены цвѣтами!

Соловей названъ здѣсь любовникомъ розъ въ подражаніе Восточнымъ Поетамъ.

Сверхъ того долгомъ считаемъ объявить, что сіе Стихотвореніе написано прежде, нежели получено сюда Стихотвореніе на тотъ же предметъ Казимира Делавинья. *Изд.*

За небосклонъ скапало шаръ
 Златое, дневное свѣтило
 И твердь и море воспалило;
 По рощамъ разлился пожаръ;
 Заженное зыбей зеркало,
 Алмазъ огромный, трепетало.

* * *

Вспылалъ далекій Минаретъ;
 Иманъ, надъ прахомъ возвышенной
 Трикратъ провозгласилъ вселенной:
 „Богъ только Богъ — инаго нѣтъ....“
 Услышали; въ мгновенье ока
 Всѣ пали ницъ сыны Пророка.

* * *

Но душень въздухъ; спадо тучъ
 Паришъ надъ знойною землёю;
 Погасъ прощальный солнца лучъ;
 Заснувшій холмъ одѣлся мглою;
 Просперлась всюду тишина;
 Взошла багровая луна,

* * *

Взошла и посребрила скалы,
 Звѣзда открылась за звѣздой;

Сѣтъ собралъ рыболовъ усталый,
Орапай поспѣшилъ домой;
Съ высотъ эвирныхъ въ доль и рощи
Толпой слетаютъ духи нощи!

* * *

И кто же въ сей священный часъ
Одинъ не мыслилъ о покоѣ?
Одинъ въ безмолвіе ночное,
Въ прозрачный сумракъ погружась,
Надъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ
Блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ?

* * *

Пѣвецъ, любимецъ Россіянъ,
Въ сѣранѣ Назонова изгнанья,
Нѣмымъ восторгомъ обуянъ
Съ очами, полными мечпанья,
Сидитъ на крутизнѣ одинъ;
У ногъ его шумитъ Евксинъ —

* * *

Шумитъ и бѣлыми рядами
За валомъ приближаетъ валъ;
Всталъ хладный вѣтеръ между скалъ.
Пронесся стонъ ихъ надъ водами;
Скользя поверхъ свинцовыхъ волнъ,
Качаясь, рѣшетъ уплый чолнъ.

* * *

Змѣятся быстрыя зарницы;
Бѣгутъ и вдругъ завѣсу тьмы
Мнемозина. Часть III.

Срываютъ съ мраморной чалмы,
 Съ объятыхъ розами гробницы;
 И соловей, любовникъ розъ,
 Вспорхнулъ, слетѣлъ съ надгробныхъ лозъ.

* * *

На краѣ неба городъ дальный
 Чернѣетъ въ тусклой бѣлизнѣ:
 Не звонъ ли звукулъ погребальный
 Нежданный въ общей тишинѣ?
 Земля содроглась; въ блескахъ молній,
 Дрожа, шатнулись колокольни!

* * *

Громъ грянулъ; пышутъ небеса;
 Въ селеніи спая псовъ завыва;
 Разширивъ блестящія крыла,
 Взревѣла дикая гроза:
 Волкъ гладный бросилъ логовище
 Сошлись чакалы на кладбище!

* * *

Тогда — (но страхъ объялъ меня!
 Блѣднѣю, трепещу, рыдаю;
 Подавленъ скорбію, сменя,
 Испуганъ, лиру покидаю!) —
 Я вижу — сладостный пѣвецъ
 Во прахъ повергнулъ свой вѣнецъ.

* * *

Онъ зрѣтъ: опѣ дальнихъ странъ полдневныхъ
 Гдѣ возвышался Фебовъ храмъ,
 Весь въ пламени, средь вихрей гнѣвныхъ,
 По мрачнымъ, тяжкимъ облакамъ

Шагаетъ призракъ Исполна ; —
Подъ нимъ сверкаетъ водъ равнина !

* * *

Онъ слышитъ: съ горней вышины
Глаголь раздался чародѣя !
Волшебный зовъ, надъ міромъ вѣя ,
Созданья пламенной мечты
Въ лице и тѣло облакаетъ ;
Онъ Спикса мертвыхъ вызываетъ !

* * *

Земля ихъ кости выдаётъ ;
На зовъ того, кто ихъ прославилъ ,
Ихъ сонмъ могильный прахъ оставилъ,
Взвился, слетѣлся въ хороводъ ;
Со тьмой слились ихъ одѣянья ;
О страхъ! ихъ слышу завыванья !

* * *

Всѣхъ, всѣхъ воскресшихъ вижу васъ ,
Героевъ имъ воспѣтыхъ — тѣни !
Зловѣщій Даншъ, страдалецъ Гассъ
Исходятъ изъ подземной сѣни ;
Гяуръ воздвигся, всталъ Манфредъ :
Ихъ озаряетъ грозный свѣтъ.

* * *

Спрясая съ вѣжды смертный сонъ ,
Всталъ изъ бездоннаго вертепа
Неистовый вѣдокъ Мазена ;
Смущенный вопрошаетъ онъ :
„Или насъ гонитъ рать Петрова ?
„Коя! за мной! — помчимся снова!“

Главу свою находить Дожь
 Безсмертную и въ гробномъ прахѣ;
 Онъ живъ, погибнувшій на плахѣ;
 Отецъ народа, страхъ Вельможъ:
 И вновь за честь злосчастный мститель
 Идешь въ безчестную обитель,

* * *

Туда, гдѣ темные рабы,
 пылая жаждой кровопитства,
 Готовятъ гибель и убійства
 И цѣпи рвутъ съ слѣпой толпы —
 И вновь съ безспрашемъ неизмѣннымъ
 Онъ предстоитъ судьямъ надменнымъ.

* * *

О искра вѣчнаго Олца!
 Огонь святаго пѣснопѣнья!
 Гласъ вдохновеннаго пѣвца!
 Не мрушь въ вѣкахъ твоеи творенья!
 Ничтоженъ, плѣненъ человекъ;
 Но мысль живетъ изъ вѣкъ въ вѣкъ!

* * *

Я зрю блестящее видѣнье:
 Горѣ парящій великанъ
 Раздвинулъ предъ собой туманъ!
 Сколь дерзосно его шеченье!
 Онъ строгъ, величественъ и дикъ!
 Какъ полный мѣсяцъ, блѣдный ликъ.

* * *

Шумя широкими крылами,
 Летитъ — и скрылся дивный дукъ.

Такъ водопадъ между скалами
Реветь, пугаетъ взоръ и слухъ;
Ярсь стремится въ край надзвѣздный:
Вдругъ исчезаетъ въ мракъ бездны.

• • •

Или единая отъ звѣздъ,
Опторгшись, мчится, льетъ сіянье
Чрезъ поле неизмѣрныхъ мѣстъ,
Чрезъ сумрачныхъ небесъ молчанье —
И око, зря ея полетъ,
За ней боязненно печетъ!

• • •

Упала дивная комета!
Потухнулъ среди тучъ перунъ!
Еще трепещетъ голосъ спрунъ:
Но нѣтъ могущаго Поэта!
Онъ палъ — и средь кровавыхъ сѣчъ
Свободный Грекъ роняетъ мечъ!

• • •

Руками закрываетъ очи
Элада, маперъ свѣтлыхъ чадъ!
Вражда и Зависть, дѣти Ночи
Ругаться славному спѣшатъ — —
Прочь чернь презрѣнная! — прочь злоба!
Бѣги! — не смѣй касаться гроба

• • •

Того, чьи пѣсни и дѣла
Почтипъ дальнѣйшее потомство!
Бѣги! умолкни вѣроломство!
Его безсмертью обрекла —

Душой блестящей пораженна, —
 Не ты, Бриганія, вселенна!

* * *

Бардъ, живописецъ смѣлыхъ душъ,
 Гремящій, радостной, неплѣнной
 Во вѣкъ пари — великій мужъ,
 Тамъ надъ Эладой обновленной!
 Тиршей, союзникъ и покровъ
 Свободой дышущихъ полковъ!

* * *

Ты взвѣсилъ ужасъ и спаданья,
 Ты погружался въ глубь сердецъ
 И средь волненій и перзанья
 Рукой отважной взялъ вѣнецъ
 Завидный, свѣпый, но кровавый,
 Вѣнецъ страдальчества и славы!

* * *

И се!.... изъ лона облаковъ
 Твои божественные братья,
 Пѣвцы, наспавники вѣковъ
 Тебя зовутъ въ свои объятія!
 Утѣшься, горестная тѣнь!
 Тебѣ сіяетъ вѣчный день!

* * *

Да мимоидетъ укоризна!
 О! заглуши упреки, стонъ!
 Изгнавшая его отчизна,
 Рыдай, несчастный Альбіонъ!
 Онъ налъ — непримиренъ, въ чужбинѣ!
 Плачь, сѣтуй по великомъ сынѣ!

* * *

Увы! ударитъ часъ Судьбы!
 Въковъ потокомъ поглощенный
 Исчезнетъ твой народъ надменный,
 Или пришельцовы стопы
 Лобзать, окованъ рабствомъ будешь:
 Но Байрона не позабудешь

* * *

Тебя гнѣшущій властелинъ;
 Онъ на тебя перстомъ укажетъ;
 Другамъ, главой поникнувъ скажетъ:
 „Уже ль родиться Исполинъ
 „Могъ въ сей землѣ, Судьбой забвенной?“
 И смолкнетъ въ думу погруженной!

В. Кюхельбекеръ.

Конецъ третьей части.

О П Е Ч А Т К И

во второй части:

Стр.	ст.	Напечатано:	Читай:
159 с. н.	3.	не раз	поп раз

Въ третьей части:

20 с. н.	10.	Нурредину	Нурредину
21 с. в.	3.	смѣхъ	смѣхъ,
36. — —	9.	ошибаются	ошибаются
45. с. н.	2.	Фрадціи	Франціи:
89. — —	6.	блаженныхъ	возвышенныхъ
90. — —	въ примѣчаніи:	правильнѣе Схи- стр. 1, послѣ: Шивенъ	ва — Shiva (См. Vyasarana, seu locupletissima Samscradamicae linguae institutio р. 159). Не но всему произнести;
127. с. в.	1.	Но	Не
136. с. н.	12.	повсему	но всему
137. въ пр. с. в.	3.	прѣизне- сти	произнести;
138. с. в.	10 и 11.	ne c'est pas	n'est ce pas
141. с. н.	1.	уступить	упустить
146. с. в.	3.	всѣ бѣгутъ отъ него	всѣ бѣгутъ
170. с. н.	12.	одною	однаго
181. с. в.	12.	меркапильнымъ.	меркантильнымъ
187. с. н.	10.	дурнобыть	дурно быть
188. — —	9.	будушъ	станушъ
188. — —	5.	блеснушъ,	блеснушъ

Примѣчанія къ Замѣчаніямъ на спашью: Журнальныя Спашьи.

Сіи замѣчанія были написаны и оппечатаны прежде, нежели въ Но 40 Сына Опечеснва появилось объявленіе Г. Булгарина, что не онъ Сочинитель спашьи: *Журнальныя статьи*. Хотя я и прежде не подозрѣвалъ его въ семь грѣхъ, что можно видѣть и изъ моихъ замѣчаній; но избѣгая всякихъ диспутовъ, которыхъ впрочемъ не страшусь ни мало, не хочу подать поводу къ недоразумѣніямъ и потому объявляю въ свою очередь, что и Г. Булгарина не смѣшиваю съ Сочинителемъ спашьи.

Признаюсь, что не безъ основанія можно разсердиться за такое qui pro quo: кто захочетъ приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ трудно рѣшить чего меньше мыслей, познаній или Грамматики; но все таки удивляюсь, какъ можно рѣшиться размѣниваться похвалами и такими ничтожными, къмъ бы онъ ни были написаны!

О д е с к.

Издатели просятъ до прочтенія сей части исправитъ въ ней Опечатки, которыя во многихъ мѣстахъ довольно важны.

Canto

Piano-
Forte

ped

ped

за-мѣ-ну «а-а-а» и час-ныхъ бѣдъ: бла-женъ Фа-ириъ в-зрѣ-шій Мою на

13

ла-ри-еиъ Не-бо че-до-вѣ-ну

ста - ро - сши пе - чаль - ныхъ дѣтъ на ста - ро - сши пе - чаль - ныхъ дѣтъ.

più vivace. f. - 120

Бла - женъ кто

слав - ный брѣтъ Ду - на - я (во - е - ю, смерть - ю о - свя - щитъ иъ не -

f. vivace

му на вѣтрѣ - чу дѣ - ва ра я съ у - аыб - ной спрасси - ной

по - де - - тишѣ а tempo. но пошѣ блажен - нѣй о За - ре - ма кпо

миръ и нѣ - гу воз - лю - би нанѣ ро - зу въ тиши - нѣ Га - ре - ма до loco

ab - emb mi - ja n me - 6m .ac ab - emb mi - ja - n me - 6m.

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line in treble clef, containing several measures of music with notes and rests. The lower staff is a piano accompaniment in bass clef, featuring chords and moving lines. The system concludes with a double bar line.

The second system continues the musical composition. It features a vocal line on the upper staff and piano accompaniment on the lower staff. Notable markings include a piano (*p*) dynamic, a diminuendo (*dim.*) with a wedge-shaped symbol, and a pedal point (*ped*) indicated by an asterisk. The system ends with a double bar line.

The third system of the score includes a vocal line and piano accompaniment. A marking 'decres' is present above the vocal staff, followed by a wavy line indicating a decrescendo. The piano part has a marking '11' and a final chord. The system concludes with a double bar line.